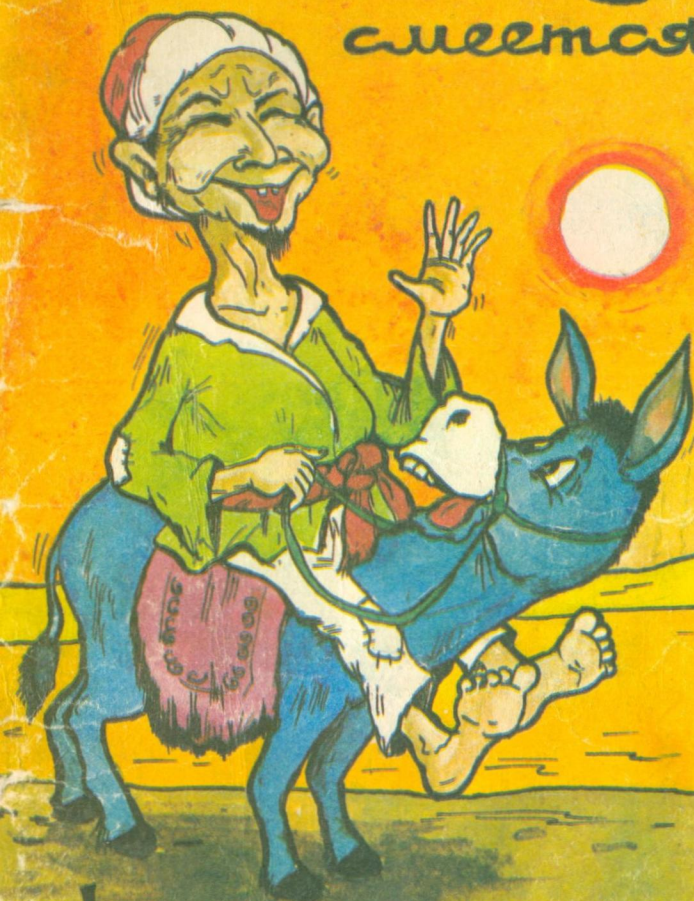

Великий шум
смеется

Тнекдоты о
Ходже Насреддине

ВЕЛИКИЙ ПЛУТ СМЕЕТСЯ

Анекдоты о ходже Насреддине

Tyulemissov Madi مەدی ابوالاصل

tmadi1@gmail.com

Алма-Ата — 1992

Почти семь столетий смеется над человеческой глупостью бессмертный мудрец ходжа Насреддин. Нередко и сам попадает в дурацкое положение, когда окружающие хотят выставить его на посмешище. Однако хитрость, смекалка, находчивость и острый язык спасают великого притворщика в любых ситуациях.

Оптимизм, который несет в себе эта книжка, как нельзя кстати в нынешние времена, не богатые весельем.

Великий плут смеётся:

В 27 Анекдоты о ходже Насреддине. — Алма-Ата:
МЧП "ЭЛМА", 1992. — 64с.

ISBN 5-615-01260-9

ББК 83.8

Однажды ходжа* Насреддин, взойдя на кафедру в Акшехире** для проповеди, сказал: "Верующие, знаете ли вы, что я хочу вам сказать?" Ему ответили: "Нет, не знаем". Тогда ходжа сказал: "Раз вы не знаете, так что мне вам и говорить?" С этими словами он сошел с кафедры и пошел своей дорогой.

Когда в следующий раз он снова взошел на кафедру и предложил тот же вопрос, община ему ответила: "Знаем". — "Ну, коли вы знаете, значит, мне нет надобности и говорить". Так сказал ходжа и опять удалился. Община, пораженная, решила, если ходжа взойдет еще раз на кафедру, ответить: "Одни из нас знают, а другие нет".

Поднявшись как-то опять на кафедру, ходжа по обыкновению обратился к народу со своим вопросом. Ему ответили: "Одни из нас знают, другие нет". Ходжа, сохраняя на лице серьезность, воскликнул: "Великолепно! Пусть тогда те из вас, кто знает, расскажут тем, которые не знают".

Однажды ходже приснилось, что ему дают девять акча***, а он стал спорить: "Ну дайте хотя бы десять". В это время он проснулся и увидел, что ладонь у него пустая. Он немедленно снова закрыл глаза и, протянув руку, сказал: "Ладно, давайте девять!"

** Ходжа — вежливое обращение к ученому, просвещенному наставнику.*

*** Акшехир — город в Малой Азии.*

**** "Белячок" — небольшая серебряная монета, имевшая некогда хождение в Турции.*

Однажды ходжа купил на базаре за одно акча девять яиц, а в другом месте продал за ту же цену целый десяток. Когда у него спросили: "Ходжа, почему ты торгуешь в убыток себе?" — он заметил: "Не все ли равно, прибыль или убыток, только бы друзья видели, что торгую".

Взял однажды ходжа лестницу и, приставив ее к стене сада, взобрался наверх; потом подтянул лестницу, поставил ее с внутренней стороны и спустился в сад; но садовник, оказываясь, видел все это. Он сейчас же подошел к ходже и спросил: "Ты кто такой и что тут делаешь?" Ходжа спокойно ответил: "Лестницу продаю". — "Да разве здесь место для продажи лестниц?" — возразил садовник. — "Какой же ты бестолковый!" — заметил ходжа. — "Разве ты не знаешь, что лестницами можно торговать где угодно".

Однажды ходже нужно было сесть верхом на лошадь, но так как лошадь была высокая, он никак не мог на нее взобраться. "Эх, старость!" — заметил ходжа; но оглянувшись и увидев, что никого нет, прибавил: "Ну, положим, и в молодости-то ты тоже не очень был прыткий".

Однажды ходжа надел черные одежды и вышел на улицу. Какие-то невежи спросили у него: "Ходжа, что с тобой, ты весь

в черном?" А ходжа отвечал: "Умер отец моего сына, и я ношу по нем траур".

Шел ходжа однажды летом издалека, и стала мучить его жажда. Попался ему на пути источник: смотрит — а отверстие источника забито кляпом. Ходжа выдернул кляп, а вода брызнула фонтаном и облила его с ног до головы. Рассердившись ходжа воскликнул: "Вот оттого, что ты такая бешеная, и забили тебе кол в зад".

Был у ходжи Насреддина хорошенький ягненок. Ходжа с ним никогда не расставался, внимательно ухаживал за ним и любил с ним играть. Приятели высмотрели ягненка и задумали обмануть ходжу и отнять у него ягненка. Вот один из них и говорит: "Не сегодня-завтра будет светопреставление. Что ты будешь делать с ягненком? Давай-ка скушаем его!" Ходжа пропустил эти слова мимо ушей. Потом другой приходит и начинает приставать с тем же. Ходжа и этого прогнал. Но тем не менее приятели продолжали ему надоедать.

Ходже это наскучило, и он решил на следующий день зарезать ягненка и устроить пирушку. Вот ягненка зарезали, развели огонь, и ходжа начал вертеть на огне тушу. А приятели снимали с себя одежду и, оставив ее ходже, разошлись поразвлекаться.

Тогда ходжа, огорченный тем, что ему пришлось собственными руками поджаривать любимого своего ягненка, воспользовался случаем и бросил в огонь одежду приятелей. Вскоре от беготни приятели проголодались, но, вернувшись увидели перед собой один пепел. "Ай, ай, ходжа, кто это сделал?" — закричали они. А ходжа сказал: "Ну чего вы волнуетесь? Вы же говорили, что завтра будет светопреставление; на что нужна вам будет ваша одежда?"

Однажды ночью к ходже проник вор и, забрав его вещи, ушел. Тогда ходжа, взвалив на плечи постельные принадлежности, последовал за вором. Когда вор вошел к себе в дом, ходжа хотел юркнуть за ним. Но вор сказал ему: "Чего тебе нужно у меня в доме?" А ходжа ему заметил: "Как, разве мы не переселились в этот дом?"

Однажды ходжа занял у соседа котел и по минованию надобности вернул котел обратно, положив в середину маленькую сковородку. "А это что?" — спросил хозяин, указывая на сковородку. "Это ваш котел родил", — сказал ходжа. Сосед обрадовался и взял себе сковородку.

Вот опять попросил ходжа котел и унес его к себе домой. Хозяин ждет-ждет, а ходжа все не возвращает котла. Он идет к ходже и стучит. "Что тебе надо?" — спрашивает ходжа. "Верни мне котел", — говорит сосед. Тогда ходжа заметил: "Я должен сообщить тебе печальное известие: твой котел скончался" Сосед, удивленный, возразил: "Да видано ли это, чтобы котел умирал?" На это ходжа отвечал: "Если ты поверил, что котел может рожать, то почему не веришь, что он может умереть?"

Однажды пришел к ходже человек; долго разводили они тары-бары. Когда человек уходил, ходжа и спрашивает: "Простите, я так вас и не признал: кто вы такой?" А тот человек заметил: "В таком случае, как же это вы так непринужденно разговаривали, как будто мы давно уже с вами знакомы?" Ход-

жа отвечал: "Смотрю я — твой сарык* точь-в-точь, как мой, и одежда у тебя похожа на мою; вот я и принял тебя за себя".

Однажды в Акшехире ребята повели ходжу в баню. Тихонько взяли они с собой по яйцу и, когда раздевшись, вошли в баню и сели на мраморном возвышении, уговорились: "Ну-ка, ребятки, давайте снесем по яичку, и если кто не снесет, пусть платит за всех".

Кудахтая, как куры, они тихонько повытаскивали яйца, которые принесли с собой в баню, и выложили их ловко на мрамор. А ходжа, увидев это, забил руками, как петух крыльями, и начал кукарекать. "Что ты делаешь, ходжа?" — спросили дети. "При курах всегда полагается петух," — заметил ходжа.

Ходжу отправили послом в Курдистан. Курдские беи встретили его с большим почетом и задали ему великолепный пир. Ходжа надел шубу, голову повязал пышным сарыком и, захватив с собой муллу, торжественно явился на пир. Но очень ему было, не по себе ото всех церемоний и формальностей, соблюдавшихся на пиру, противных его характеру, и неожиданно он громко пустил ветры. Когда они возвращались домой, мулла сказал: "Ходжа, это нехорошо вышло". А ходжа возразил: "Эх ты, дурачок, ведь я п... по-турецки, а эти курды не знают иностранных языков".

Однажды ходжа пошел со своим учеником Имадом на волков. Желая захватить волчонка, Имад залез в нору. Случайно

** Сарык — головная повязка вокруг фески.*

в это время лез в нору и волк, находившийся снаружи. Ходжа, изловчившись, ухватил волка за хвост. Волк начал беситься и метаться, засыпая землей Имада, который не знал в чем дело. "Что ты колотишь ногами? — сказал он ходже. — Ты всего меня засыпал землей". — "Вот если волк вырвется у меня, тогда он действительно тебе всыплет", — заметил ему ходжа.

Ходжу пригласили на званый обед. Он надел поношенное платье, и никто не обратил на него внимания. Тихонько побегал ходжа домой, облачился в пышные одежды, сверху накинул еще шубу и вернулся. Ходжу почтительно встретили у дверей дома и посадили за почетный стол. Указывая на вкусные блюда, хозяин начал его угощать: "Пожалуйста, ходжа, отведайте!" А ходжа, подтягивая шубу к блюду, заметил: "Прошу, шубейка!" — "Что ты делаешь, ходжа?" — удивились гости. "Раз почет шубе, пусть шуба и кушает", — объявил ходжа.

Как-то во время недорода ходжа попал в деревню. Смотрит: народ ест и пьет вовсю, и перед ходжой тоже поставили сладости, пирожки. "Вот какое здесь изобилие! — удивился ходжа. — А там у нас народ валится от голода". Кто-то и говорит ходже: "Эх ты, где у тебя разум? Разве ты не знаешь, что значит праздник? Сегодня по случаю праздника все, кто как мог, заготовили пищу и питье. Оттого-то всего и много!" Подумав немного, ходжа промолвил: "Ах, если бы каждый день был праздник! Тогда правоверные никогда бы не голодали".

Повел ходжа на базар свою корову. Уж он водил ее, водил и никак не мог продать. Попался ему навстречу приятель и

спрашивает: "Ты что — корову продаешь?" А ходжа в ответ: "Вот с утра хожу, расхваливаю, как только могу, а никто даже не взглянул на нее". Тогда приятель начал выкрикивать: "Стельная корова, стельная, на шестом месяце!" И сейчас же нашелся покупатель и взял корову по высокой цене. Ходжа, удивленный, поблагодарил приятеля и, положив вырученные деньги в карман, на радостях пошел домой.

А в дом к нему, оказывается, пришли свахи. Жена и говорит ему: "Ты, хозяин, немножко внизу посиди. Я покажу свахам нашу дочь, расскажу, какая она искусница, может, она кому и понравится и ее возьмут замуж". — ""Нет, — заметил ходжа, — ты лучше помолчи. Я теперь знаю, как нужно расхваливать товар. Стоит мне раскрыть рот — посмотришь, в какой они придут восторг!" Жена подумала: "Может хозяин и вправду что-нибудь знает". Почтительно встретив свах и велев дочери поцеловать у них руки, она сказала: "Соседки, закройте ваши лица, с вами сейчас будет говорить сам хозяин". Ходжа подошел к женщинам да как брякнет: "Женщины, чего тянуть разговор, вот вам все в двух словах: девица — породистая, беременна, на шестом месяце". Едва он это сказал, как свахи переглянулись и выскочили за дверь.

Однажды утром сосед попросил у ходжи осла. Ходжа про-бормотал: "Пойду спрошу осла; если он захочет, — дам". Он пошел в дом и, побыв недолго, вернулся и сказал: "Я говорил ослу, он не соблаговолил, да еще прибавил: "Если дать меня чужому, будут тыкать мне стрекалом уши, а тебя честить на все корки!"

Собрался ходжа за дровами, а осел ни за что не хочет идти в горы. Вот Кто-то и говорит: "Возьми-ка ты у москательщика нашатырного спирту и помажь ослу зад. Посмотришь, как он

побежит!" Ходжа так и сделал; осел от боли побежал. На обратном пути на ходжу напала слабость, и он решил на себе испытать то же средство. Домой прибежал он раньше осла и, не будучи в состоянии сесть, все кружился по комнате. Жена спросила его: "Эфенди, что с тобой случилось?" — "Жена, если ты хочешь догнать меня, возьми и себе нашатырного спирту".

Однажды сосед попросил у ходжи осла. "Нет у меня", — отвечал ходжа. А в это время заревел осел. Тогда сосед заметил: "Эфенди, ты говоришь, что у тебя нет осла, а вон, слышишь, осел ревет". Ходжа покачал головой и сказал: "Господи, боже мой, чудной ты человек; ты ослу веришь, а мне, дожившему до седой бороды, не веришь".

В те времена, когда жил ходжа Насреддин, три монаха странствовали по свету, беседуя и препираясь с учеными тех городов, куда они попадали. Вот прибыли они в Румскую страну*, и так как они пожелали, видеть знаменитых людей, то им указали для смеха на "султана эпохи" — ходжу Насреддина и объяснили, что ходжа — остроумный и веселый собеседник.

На дворцовой площади был устроен пир, на который пригласили ходжу и монахов. Когда пришел посланец, ходжа немедленно взял посох и, сев на осла, явился в назначенный день и час на собрание. Он поклонился с соблюдением всех правил приличия. После того, как вознесена была молитва за падишаха, ходже за беседой объявили о желании монахов. "Раз так, — сказал ходжа, — давайте сперва разрешим все недоумения, а потом отведаем от честного стола. Прошу вас, если у вас есть что спросить, говорите, я слушаю".

** Румом — (т.е. Римом — Восточной Римской империей) называлась Малая Азия.*

Начал первый монах: "Эфенди, где середина земли?" Ходжа, указывая посохом на переднюю правую ногу осла, сказал "Там, где находится вот эта нога моего осла". — "А откуда это известно?" — возразил монах. "Если вы не верите, извольте измерить, — возразил ходжа, — меньше выйдет или больше, тогда скажете". Монах, пораженный, отошел.

Тогда выступил второй монах: "Сколько звезд на небе?" "Столько, сколько волос у моего осла", — отрезал ходжа. "А чем ты докажешь, что именно столько", — возразил монах. Ходжа опять заметил: "Не веришь — так сочти, и если окажется меньше или больше, тогда и будешь спорить". — "Эфенди, — не унимался монах, — разве можно счесть волосы на осле?" — "Ну, а звезды на небе можно сосчитать?" — возразил ходжа. Монах был пристыжен.

Теперь подошел черед третьего монаха. "Послушай, ходжа, скажи, сколько у меня в бороде волос?" — спросил ош Ходжа, не задумываясь, сказал: "Столько, сколько волос в хвосте у моего осла". — "Как ты это докажешь?" — продолжал монах. "Это легко, — заметил ходжа, — мы станем выдирать по волоску у тебя из бороды и у осла из хвоста, если несойдется, тогда ты будешь прав".

Монахи, очарованные тонким остроумием ходжи, были озарены светом истинной веры и, приобщившись к честному исламу, как рабы, привязались к ходже — да почиет над ним милость Аллаха!*

Когда Тимурленг** только что прибыл в Акшехир, он услышал, что ходжа — человек разговорчивый и остряк. И вот однажды он пригласил его к себе. Ходжа предстал перед Тимуром и увидел, что он сидит величественно на миндвре***, вытянув одну ногу из-за миндера. При появлении ходжи Ти-

** Анекдот заключает агитационную мысль о превосходстве ислама над христианством.*

*** Ленг — "хромой" — прозвище Тимура*

**** Миндер — подушка для сиденья.*

мур не изменил положения и только в знак милости указал ему место на краю миндера, на котором сидел сам.

Между тем знаменитые острословы вроде покойного ходжи никогда не допускали, чтобы с ними обращались, как с обыкновенными шутами. И если они замечали малейшее к себе неуважение, если с ними обходились грубо или лицемерно, их веселость сменялась напускной чопорностью. Хотя ходжа по своему открытому характеру был прост и не разыгрывал из себя ученого, однако высокая честь науки была для него выше всего, и потому уклонение Тимура от правил уважения, соблюдаемых при входе гостя, и вытянутая нога — все это крайне рассердило ходжу.

Впрочем, Тимур был хром и поэтому не мог легко вставать и садиться и с трудом устраивался на месте. Оттого-то он и вытягивал одну ногу. Величественная же осанка — это было как бы второе естественное великодержавное свойство, порожденное непрерывными победами. Но у него был прямой нрав, он ценил беседу, был милостив, почитал ученых и искусства. Впоследствии между ним и ходжой установились чистосердечные отношения.

Словом, ходжа, скрывая досаду, спокойно сел на указанное ему место. Прикинувшись дурачком, он также вытянул ногу из-за миндера. Государю это не понравилось, и он подумал: "Ну мне это извинительно, к тому же я — государь. Однако этот человек не таков, как мне о нем говорили. Если это — чудачество, то в чем же именно оно заключается?" И, желая уколоть ходжу, он сказал: "Да, ты не далеко ушел от осла". Ходжа немедленно заметил: "Между нами расстояние всего каких-нибудь два-три аршина".

Тимур немедленно пришел в неистовство; однако различные унижения и несчастья, которые он перенес в своей жизни, пока, наконец, достиг цели, смягчили его, из него выработался человек твердый и проницательный, государь, который мог сохранять равновесие духа. Уверенность, что он каждую минуту может уничтожить своего противника, давала ему естественную сдержанность. Поэтому он не обратил никакого внимания на слова ходжи.

Тем временем подали еду. Они начали кушать. За болтовней Тимур чихнул ходже прямо в лицо. Ходжа шутливо заметил: "Государь, разве прилично чихать прямо в лицо челове-

ку?" На это Тимур беззаботно отвечал: "В нашей стороне это не зазорно".

Когда они встали из-за стола и попили шербет, ходжа вдруг громко пустил ветры. Тимур гневно оглядел ходжу и сказал: "Это что за невежество? И не совестно тебе?" — "В нашей стороне это ничего, — заметил ходжа, — на эти звуки никто не обращает внимания". После короткой и сдержанной беседы о том, о сем ходжа попрощался.

Дорогой ученик сказал ему: "Зачем ты пустил ветры в присутствии этого тирана?" — "Эх, мулла! — возразил ходжа, сохраняя редкостную серьезность, — знаешь поговорку: "Когда имам п... община с..."

Однажды ночью ходжа вдруг проснулся и сказал: "Жена, встань, зажги свечу. Я придумал великолепный стих". Жена немедленно встала и, зажегши свечу, принесла ему чернильницу, перо, и ходжа старательно вывел на бумаге стих. Он хотел уже потушить свечу и снова лечь, но жена заметила: "Голубчик, прочти же стишок, что ты спешно написал в полночь". Ходжа насадил на нос очки и прочел: "Среди листьев зеленых черная курица с красным клювом".

Раза два ходжа приносил домой печенку. Жена угощала печенкой милого дружка, а перед ходжой ставила вечером какое-то месиво. Однажды ходжа и говорит жене: "Послушай, я несколько раз приносил домой печенку, но мне никак не удастся ее попробовать. Куда она девается?" — "Кошка крадет", — ответила жена.

Тогда ходжа встал и спрятал в сундук топор. "Ты от кого прячешь топор?" — спросила жена. "От кошки", — заметил ходжа. Жена, удивленная, заметила: "Ну на что кошке топор?" На это ходжа возразил: "Да разве тот, кто хватается печенку,

которой цена-то всего два акча, не возьмет и топор, стоящий сорок акча?"

Ходжа, побрившись у цирюльника, дает ему одно акча. На следующую неделю, когда ходжа опять выбрил голову, цирюльник положил перед ним зеркало. А ходжа и говорит ему: "Ты знаешь, половина моей головы плешива, так что ты каждый раз бреешь всего полголовы. За два раза, что ты меня побрил, не довольно ли одного акча?"

Вечером того дня, когда ходжа задумал жениться, он созвал друзей. Все кушают, поют, а ходжу и забыли позвать. Ходжа, оставшийся без шафранного плова, который он так любил, рассердился и ушел. Через некоторое время начинают ходжу искать и никак не могут найти. Посылают всюду людей, и наконец, с трудом где-то его изловили и привели домой. "Послушай, голубчик, что же это ты? — говорят ему домашние. — Мы ищем тебя вот уже два часа!" А ходжа сердито заметил: "А мне-то что! Кто ел шафран, тот пусть и идет в опочивальню"*.

Однажды ходжа собрался идти с караваном. Утром все поспешно сели на лошадей. Подводят к ходже лошадь. Вдев правую ногу в стремя, он подпрыгнул и оказался лицом к лошадиному крупу. "Э-эх, ты! — заметили ему. — Ведь ты сел задом

** Ходжа отвечает поговоркой. Плов с шафраном — пряное блюдо; плов заключительное блюдо на званом пиру: на свадьбе, во время обрезания т.д.*

наперед". — "Нет, — возразил ходжа, — я-то ничего а вот лошадь у меня действительно левша!"

Однажды у ходжи спросили: "Под каким знаком зодиака ты родился?" — "Под знаком Старого козла", — отвечал ходжа. "Послушай, ходжа, в астрономических таблицах нет такого знака". Ходжа заметил: "Когда я был ребенком, моя мать определяла по звездам мою судьбу, и ей сказали — Козерог". — "Да, — заметили ходже, — но это слово значит не козел, а козленок". — "Эх, вы, дурни, — возразил ходжа. — Я сам знаю это, но с тех пор, как определяли по звездам мою судьбу, минуло ровно сорок лет, и разве за это время козленок не превратился в козла?"

Когда ходжа был хатыбом* в Сиврихисаре**, он поссорился с градоправителем. Случайно градоправитель в это время умер. Ходже и говорят: "Послушай, приходи, соверши заупокойную молитву". Ходжа возразил: "Нет, уж вы найдите кого-нибудь другого, а то он со мной в ссоре и не будет слушать меня".

Когда два человека сидели в лавке, что напротив их домов, стоявших рядом, выбежала собака и сделала на улице кучу, как

** Х а т ы б — в его обязанности входит чтение в мечети молитвы — хутбы (молитва за предержащие власти). Опуская покойника в могилу, хатыб также наставляет его, как отвечать ангелам, которые будут допрашивать его после смерти.*

*** Сиврихисар — небольшой городок в Малой Азии, родина ходжи Насреддина.*

раз против их домов. Один сказал: "Это около твоего дома, ты убери!" — "Нет, заметил другой, — к твоему дому это ближе, тебе и убирать". Между ними разгорелся спор, и они отправились в суд. А в это время у судьи находился ходжа. Желая позабавиться над ходжой, судья и говорит: "Эфенди, разбери-ка ты этот спор". Тогда ходжа обратился к тяжущимся и, не задумываясь, сказал: "Разве улица — не общая дорога? Она никому и не может принадлежать. Стало быть, ни тебе, ни ему — никому из вас это не подлежит, а подлежит кази*".

Когда однажды ходжа шел к ущелью, ему повстречался пастух. Пастух и говорит: "Ходжа, ты факих**?" — "Да", — отвечал ходжа. "Взгляни на тех, что лежат вон в той долине, — продолжал пастух. — Я задал им вопрос, они не сумели ответить, и я их убил. Давай-ка уговоримся с тобой. Если ты можешь ответить, я стану тебя спрашивать, а нет, так нет". — "А что это за вопрос?" — поинтересовался ходжа. "А вот, — сказал пастух, — когда месяц рождается, он бывает маленький, потом он делается все больше и больше, величиной с колесо, а с пятнадцатого дня уменьшается, делается похож на зубчистку и, наконец, исчезает. Что же происходит со старым месяцем?" "И этого-то ты не знаешь? — сказал ходжа. — Старый месяц вытягивают и выделывают из него молнию. Разве ты не видел, как небо во время грозы сверкает?" — "Молодец, факих! — воскликнул пастух. — Я и сам так думал".

Однажды приносит крестьянин ходже зайца. Через неделю крестьянин снова пришел к ходже, а ходжа и не хочет его узнавать. "Я тот крестьянин, — напомнил он, — что принес

* *Кази* — духовный судья, разбиравший гражданские дела.

** *Факих* — законовед-богослов.

тебе на прошлой неделе зайца". Ходжа пробормотал: "Добро пожаловать", — и угостил его супом. "Прошу откусать заячий суп" — пошутил он.

Через несколько дней приходят к ходже несколько крестьян и тоже напрашиваются на угощение. "Да вы кто такие?" — спросил ходжа. "Мы соседи того крестьянина, который принес тебе зайца", — отвечали они. Ходжа кой-чем угощает и их.

Через неделю опять приходят крестьяне. Когда ходжа осведомился, кто они, ему отвечали: "Мы — соседи соседей того крестьянина, который принес тебе зайца". — "Добро пожаловать, — сказал им ходжа и вечером поставил перед ними миску с водой. Крестьяне, удивленные, поглядели на миску и сказали: "Эфенди, что это?" А ходжа отвечал им: "Это — вода от воды, в которой варился заячий суп".

Когда однажды сидел Насреддин у себя дома, кто-то постучал в дверь. "Что тебе надо?" — спросил ходжа. "Спустись-ка вниз", — отвечает жалобный голос. Когда ходжа спустился вниз и подошел к двери, нищий сказал: "Поддай что-нибудь". Ходжа рассердился, но, не показав и виду, заметил: "Поднимись наверх". Когда бедняк поднялся наверх в комнату, где сидел ходжа, ходжа сказал: "бог подаст". — "Что же это, — заметил бедняк, — раз ты собирался отпустить меня с пустыми руками, почему же не сказал ты мне этого внизу?" — "А когда я сидел наверху, — возразил ходжа, — почему ты не объяснил мне сразу, а заставил меня спуститься вниз?"

Однажды, когда ходжа шел к себе домой, дорогой встретились ему талебэ*. "Ну, господа, — сказал ходжа, — идемте

** Талебэ — воспитанник медресе.*

сегодня ко мне и покушаем у меня супа на славу". Талебэ охотно согласились и пошли за ходжой. Вот пришли они в дом. Ходжа усадил их, а сам прошел в гарем. "Жена, — сказал ходжа, — я привел гостей, дай нам супу, мы похлебаем". — "Это что такое, эфенди? — заметила жена. — И масла нет дома, и рису нет, а деньги ты принес на суп?" Огорченный, ходжа сказал: "Ну тогда давай хоть пустую миску". Он взял пустую миску и поставил перед талебэ. "Не обессудьте, — сказал им ходжа. — Если бы у нас в доме было масло и рис, я бы в этой миске подал вам суп".

Пришло жене ходжи время родить. Сидит она дня два на скамье — все не может разродиться. Соседки, собравшись около нее, кричат ходже: "Послушай, если ты знаешь какую молитву или вообще средство, так помоги, и ребенок родится". "Я знаю верное средство", — сказал ходжа. С этими словами он побежал к бакалейщику и, купив немного гречких орехов, прошел в гарем. Он разложил орехи под скамейкой и сказал: "Ну вот, как только ребенок увидит орехи, он вылезет с ними поиграть".

Однажды жена назло ходже подала на стол горячий-прегорячий суп. Потом сама забыла об этом и проглотила ложку супу. От боли у нее выступили на глазах слезы. Когда ходжа спросил, отчего она плачет, жена ответила: "Я вспомнила, что покойная моя матушка очень любила этот суп", — и заплакала. Ходжа, чтя память тещи, тоже проглотил ложку супа, и у него тоже заслезились глаза. "Ну, а с тобой что? Ты-то чего плачешь?" — заметила жена. — "Я плачу оттого, — заметил ходжа, — что несчастная твоя мать умерла, а вот ты, бездельница, до сих пор жива".

К ходже в дом забрался вор. Увидев его, ходжа спрятался в долаб*. Вор обшарил дом и ничего не мог найти такого, что бы можно было украсть. "Вот разве в шкафу что-нибудь есть", — подумал вор. Открывши шкаф, он увидел там ходжу. Вздвоннанный, он спросил: "Ты здесь?" — "Да, — отвечал ходжа, — это я от стыда спрятался в шкаф. Мне стало совестно, что тебе ничего не удалось найти, что бы можно было украсть".

Ходжа потерял у себя дома кольцо. Не найдя его, он вышел из дому и продолжал искать перед дверьми. Сосед спросил у него, что он ищет, и, узнав, что ходжа потерял кольцо в доме, сказал: "Да ты поискал бы там". — "В доме темно, — сказал ходжа, — поэтому я ищу его здесь".

Один человек ударил ходжу по затылку. Когда ходжа, обернувшись, взглянул на обидчика, тот заметил: "Извините, я принял вас за своего близкого друга". Но ходжа схватил его и, притащив в суд, стал жаловаться на него казн. А тот человек был в приятельских отношениях с казн. Казн подозревал ответчика и сказал ходже: "Ударь его, и вы квиты". Но ходжа не соглашался. "Коли так, — сказал кази, — я присуждаю в твою пользу одно акча". — "Ну, — обратился он к ответчику, — принеси штраф в размере одного акча, дадим ходже удовлетворение". Таким способом судья дал возможность ответчику улизнуть.

Ходжа прождал его несколько часов, и когда понял, что судья спровадил обидчика, он воспользовался рассеянностью судьи, и, воскликнув: "О ты, всепрощающий!" — закатил судье здоровенную плюху. "Больше мне некогда ждать, — сказал он судье, — а то акча, что ты мне присудил, получи с него сам". И пошел своей дорогой.

** Долаб — шкаф, встроенный в стену.*

Ходже сказали: "Твоя жена потеряла рассудок". Ходжа задумался. "О чем ты думаешь?" — спросили у него. "У моей жены отродясь ума не было; что же могла она потерять? Вот о чем я думаю", — ответил ходжа.

Пошел ходжа в суд, чтобы разводиться с женой. Судья приказал записать имена жены и ее отца. Когда у ходжи спросили об этом, он сказал: "Не знаю". Казн осведомился, сколько лет он женат, и, узнав, что уже несколько лет, заметил: "Как можно, будучи женатым в течение нескольких лет, не знать, как зовут жену?" — "Да ведь я не собираюсь с ней жить, зачем мне спрашивать, как ее зовут?" — отвечал ходжа.*

У ходжи спросили: "Может ли у столетнего человека быть ребенок?" — "Да, — отвечал ходжа, — если у него есть двадцатилетние или тридцатилетние соседи".

Ходжа женился. На пятый день у него родился ребенок. Через день ходжа принес первый джуз** Корана, сумочку для

** Обычно муж и жена не зовут друг друга по имени, но, может быть, здесь слышатся искаженные отзвуки старого обычая, когда невестка, вступая в семью мужа, не смела звать свекра по имени.*

*** Джуз — одна из 30 частей Корана, первая книга для чтения, дававшаяся ребенку в школе.*

Корана, письменный прибор и т. д. и положил все это у изголовья люльки. Ему стали говорить: "Эфенди, для чего это ты так рано?" — "Ребенок, проделавший девятимесячный путь в пять дней, — заметил ходжа, — через несколько дней пойдете школу. Пока у меня сейчас есть деньги, я и заготовил все необходимое".

Ветер уронил на землю висевшую на дереве рубашку ходжи. Ходжа сказал: "Нужно нам будет принести благодарственную жертву". Жена спросила у него о причине, и ходжа объяснил: "А если бы, не дай бог, в рубашке был я?".

Однажды дервиш-мелами* по имени Шейяд-Хамза, человек просвещенный, совершенный, идущий по верному пути; живущий праведно, сказал ходже: "Ходжа, неужто-таки твое занятие на этом свете одно шутовство? Если ты на что-нибудь способен, так покажи свое искусство, и если есть в тебе какая ученость, прояви ее нам на пользу". Ходжа спросил у него: "А у тебя какое есть совершенство и какая в тебе добродетель, и людям какая от нее польза?" — "У меня много талантов, — отвечал Шейяд, — и нет счету моим совершенствам. Каждую ночь покидаю я этот бренный мир ("мир элементов") и взлетаю до пределов первого неба; витаю я в небесных обителях и созерцаю чудеса царства небесного". — "Хамза, — заметил ходжа, — а что, в это время не обвеваает ли твое лицо нечто вроде опахала?" Хамза, радостный, подумал: "Ну, напустил я на него туману", — и сказал: "Да, ходжа". — "А ведь это — хвост моего длинноухого осла", — сказал ходжа.

** Мелами — дервиш-циник. В имени Шейяд заключен намек на лицемерие дервиша, обманывающего легковверных людей; с сельджукидски. поэтом Шейяд-Хамзой связаны фривольные анекдоты.*

Однажды, когда ходжа выходил из дому, попался ему сосед и сказал: "Ах, ходжа, я беспокоился за вас! Сегодня утром я слышал из вашего дома тревожные и бурные речи. Потом поднялся шум. Что это такое было?" Ходжа, недовольный, заметил: "Это я со своей женой повздорил. А потом жена моя рассердилась и как ударит меня по джуббэ*, так джуббэ и покатилося с грохотом вниз по лестнице. Вот и все". — "Послушай, ходжа, — удивился сосед, — да разве от джуббэ бывает такой шум?" "Эх, соседушка, что ты все пристаешь? Да ведь в джуббэ-то был я".

Один из друзей попросил у ходжи денег взаймы на короткий срок. "Нет, денег я тебе не дам, — сказал ходжа, — но зато срок, раз ты мне друг, могу тебе предоставить, какой хочешь!"

Вышел ходжа в полночь на улицу и прогуливается. Повстречал его градоправитель, обходивший город дозором, и говорит: "Что это ты ищешь ночью по улицам?" — "Сон убежал, вот я и ищу его", — отвечал ходжа.

Повел ходжа на базар осла и передал маклеру. Вот один покупатель, желая определить возраст осла, вздумал посмот-

* Джуббэ — длинная верхняя одежда на Востоке.

реть у него зубы, а осел взяли укусил его за руку. Покупатель, ругаясь, отошел. Объявился еще покупатель: этот захотел поднять ослу хвост, а осел как лягнет его по икрам. Прихрамывая и кляня, удалился и второй покупатель. Подошел к ходже маклер и говорит: "Ходжа, никто не хочет брать твоего осла: кто спереди зайдет, того он хватает зубами, а кто сзади подходит — брыкается". — "Да я и не для продажи его сюда привел, а для того, чтобы видели правоверные, чего только я ни терплю от этого осла!"

Купил однажды ходжа печенку. Дорогой встретился ему приятель и спрашивает: "Как ты ее приготовишь?" — "Да обыкновенно", — заметил ходжа. "Нет, — возразил человек, — можно печенку великолепно изготовить; я тебе сейчас объясню, ты так и сделай". — "Твои объяснения не удержатся у меня

в голове, — сказал ходжа, — напиши на бумаге, и тогда буду я глядеть на бумажку и приготовлю". Человек написал и вручил бумажку ходже.

Когда ходжа, погруженный в приятные думы, вызванные наставлением, шел домой, коршун выхватил у него печенку и взвился в поднебесье. Ходжа, не обнаруживая беспокойства, показал коршуну бумажку, которую держал в руке, и сказал: "Напрасно, тебе все равно не удастся скушать печенку со смаком: ведь рецепт-то у меня!"

Жена сказала ходже: "Пока я займусь, ты поддержи ребенка". Когда ребенок был у него на руках, он обделался, а ходжа, рассердившись, взял да и всего его облил с головы до ног. Жена стала упрекать его, говоря: "Зачем ты это сделал?" В гневе ходжа заметил: "Ты благодари еще, жена, что это был мой ребенок. А будь чужой — я не то бы еще сделал!"

Раз пропал у ходжи осел. Он объявил по всем базарам, крытым и открытым: "Кто найдет осла, тому я дам его в награду с уздечкой и с седлом". Кто-то заметил: "Коли ты даришь осла со всей сбруей, что толку, если осел найдется? Ведь это все равно, как если бы ты его потерял". — "Ну извините, — сказал ходжа, — вы думаете, удовольствие найти — такая пустячная вещь?"

Один болтун сказал ходже: "Только что на большом блюде, видел я, несли фаршированную индюшку". — "А мне-то что?" — заметил ходжа. "Должно быть, к тебе принесли в дом", — продолжал болтун. "А тебе что?" — сказал ходжа.

Ходже сказали: "Жена твоя много шляется". — "Не думаю, что это правда, — возразил ходжа. — Если бы это так было, она заглянула бы как-нибудь и ко мне в дом".

Пошел однажды ходжа в баню. Банщики дали ходже старый запон, старое полотенце — вообще не оказали ему большого внимания. Ходжа ничего не сказал, а, выходя, положил на зеркало десять акча. Банщики удивились и, разумеется, обрадовались.

Через неделю ходжа опять пришел в ту же баню. На этот раз банщики начали ухаживать за ним всю: подали расшитое

полотенце, шелковый запон и так далее. Ходжа опять ничего не сказал, но, выходя из бани, положил на зеркало одно акча.

Баншики, пораженные, рассердились и сказали: "Эфенди, как это понимать?" — "Ничего тут нет особенного, — заметил ходжа. — То, что я дал сегодня, — это плата за прошлый раз, а те деньги, что я дал тогда, за сегодняшний день".

Надоело ходже задавать ослу корм, он и говорит жене: "Отныне ты гляди за ослом". Но жена не согласилась, и между ними разгорелся спор. Наконец оба они порешили молчать, и кто первый заговорит, тот пусть и накормит осла.

Ходжа отошел в угол и в течение нескольких часов крепился и молчал. Жене это надоело, и она, набросив на голову платок, пошла к соседке и просидела там до вечера. Подошло время эзана*. Жена рассказала соседке, что у нее вышло с ходжой. "Упрямый у меня муженек, — сказала она, — он с голоду помрет, а говорить не будет. Пошлем-ка ему миску с супом". Женщины дали мальчику суп и послали к ходже.

А нужно заметить, что, когда жена ушла к соседке, в дом залез вор и, собрав все ценное, заглянул, наконец, в комнату, где сидел ходжа. Смотрит — сидит ходжа в уголке и не обращает никакого внимания на шум. Сначала вор остолбенел, но, увидев, что ходжа не выражает беспокойства и не только не поднимает крика, а сидит, как каменная статуя, не отвечая на вопросы, вор решил, что, верно, этот человек разбит параличом; на глазах ходжи начал он собирать все, что ему могло пригодиться. Должно быть вора разобрало, и он подумал: "А ну-ка, сниму я у него с головы каук**"; посмотрим, теперь-то он подаст голос или нет?" Он снял с ходжи каук и, взвалив вещи на спину, пошел.

В это время пришел мальчик и, обратившись к ходже, сидевшему в углу безмолвно, как столб, сказал: "Вам прислали супу". Ходжа, как бы желая дать понять мальчику, что тут

* Эз а н — призыв в молитве.

** Каук — высокая шапка на вате, вокруг которой наматывали сарык — белый платок.

произошла кража и что у него унесли даже каук с головы, и чтобы поэтому жена приходила скорей, начал свистеть и, трижды махая кругообразно рукой, указал на свою голову. А мальчик так понял, что ходжа велит ему три раза покружить у него над головой миску с супом и потом опрокинуть ему на голову. Понято — сделано. Он обварил супом голову ходжи. Суп рисовый залил ходже лицо, бороду, но ходжа упрямо молчал.

Мальчик вернулся домой и на вопросы отвечал, что в доме все раскрыто настежь — двери, шкафы, сундуки; везде беспорядок, вещи разбросаны и пораскиданы; он рассказал также и историю с супом.

Жена сообразила, что тут что-то неладно, и пустилась бегом домой. Как только она увидела разгром в доме, она возбужденно кинулась к своему мужу, сидевшему в углу чучелом, и закричала: "Ай, ай, что это такое!" — "Ну, ступай, задай ослу корм", — сказал ходжа, и еще прибавил: "Вот до чего доводит твое упрямство!"

Однажды пошел ходжа на базар и, купив разных овощей, положил их в переметную суму, взвалив ее себе на плечи, а сам сел на осла и поехал. Дорогой ему говорят: "Послушай, ведь ты мог бы навьючить хурджум на осла, а сам ехал бы себе спокойно". На это ходжа отвечал: "Помилосердствуйте! Осел и без того тащит меня, а тут я еще навьючил бы на него хурджум! До сих пор я никогда так не делал".

Когда однажды ходжа ходил по Безестану*, он увидел, что маклер продает за три тысячи пиастров шашку. Ходжа взглянул на шашку и никак не мог понять, отчего бы это шашка

** Безестан — внутренняя часть крытого базара в Стамбуле, где торгуют старинными вещами (антиквариатом), а также старьем.*

стоила три тысячи пиастров. Он обратился за разъяснением к сидевшим там людям, и ему сказали, что когда шашка опускается на врага, она вытягивается до пяти аршин.

На следующий день ходжа схватил из дому печные щипцы и, явившись в Безестан, начал выкрикивать: "Щипцы — за три тысячи!" Кое-кого взяло любопытство; они подходили, вертели щипцы во все стороны и, видя, что это самые обыкновенные щипцы, спрашивали: "Ходжа, что в них особенного, что ты сразу же объявляешь за них три тысячи пиастров?" Ходжа отвечал: "Да ведь вы еще вчера требовали три тысячи пиастров за самую обыкновенную шашку только потому, что когда она падает на врага, то вытягивается на пять аршин. А вот, когда жена рассердится на меня и огреет этими щипцами, мне кажется, что они длиной в десять аршин и даже больше"

У ходжи умерла жена, но никаких признаков печали у ходжи не было заметно. Через некоторое время у ходжи пал осел. Видя, что ходжа в большом огорчении, приятели сказали: "У тебя померла жена, но мы не видели, чтобы ты очень печалился, а вот как издох у тебя осел, прошло уже десять дней, а у тебя все еще брови насуплены, и весь ты как в воду опущенный". — "Когда у меня умерла жена, — заметил ходжа, — собрались соседи и говорили: "Не печалься, ходжа: мы найдем тебе жену еще лучше". А вот когда издох у меня осел, никто не пришел ко мне и не утешил меня. Разве я не прав, что огорчаюсь?"

Однажды ходжу обманом заставили давать в суде ложные показания. Истец требовал у своего противника пшеницу. Вызвали ходжу, а он дал показание об ячмене. Когда ему заметили, что он ошибся и что нужно было говорить о пшенице, ходжа возразил: "Эх вы, дурачье! Раз уж врать, так не все ли равно — пшеница или ячмень?"

На родине ходжи, в Сиврихисаре, был кази-пьяница. Однажды он, пьяный, повалился у себя в винограднике и раскидал по сторонам и каук, и биниш*. Как раз в тот день ходжа вышел на прогулку со своим учеником Имадом. Видя, в каком положении находится казн, ходжа взял его биниш, надел на себя и ушел. Когда казн протрезвился и не нашел биниша, он сказал судебному сторожу: "Ступай, смотри во все глаза, и на ком увидишь биниш, хватай и веди сюда". Сторож, увидев биниш на ходже, потащил его в суд.

А было тогда заседание суда. Ходжа, обращаясь к судье, сказал: "Вчера мы с Имадом вышли гулять. Увидели, что в винограднике лежит в блевотине пьяный человек, повязанный сарыком. Я взял его биниш, надел на себя. Могу представить свидетеля и повязку с каука. Найдите хозяина, и я сейчас же верну ему биниш". Казн заметил: "Ну кто знает, что это за гуляка! Носи себе на здоровье, а я не буду вмешиваться в это дело".

Однажды у ходжи спросили: "Послушай, ты все-таки мало-мальски ученый человек, разреши наше недоумение. Скажи, какой величины мир? Сколько в нем аршин?" В это время шла мимо них похоронная процессия. Ходжа, указывая на гроб, сказал: "Вот тот, что лежит в гробу, лучше всех тебе ответит. Спроси у него: он только что смерил".

У ходжи, оказывается, было две жены. Однажды обе они

** Биниш — широкое джуббэ, которое носили в торжественных случаях ученые.*

пришли сразу и начали приставать к нему: "Кого ты больше любишь — меня или ее?" Бедный ходжа был поставлен в затруднительное положение; уклоняясь от ответа, он говорил пустые слова вроде того: "Обеих". Но они этим не удовлетво-вались, а все наступали на него. Между прочим, младшая жена сказала: "Вот положим, что мы обе катаемся по Акшехирскому озеру; лодку нашу перевернуло, и обе мы упали в воду, а ты в это время находишься на берегу. Так кого же из нас стал бы ты сперва спасать?" Ходжа, подавленный печальным зрелищем, которое предстало перед ним, расстроился и, обращаясь к старшей жене, сказал: "Послушай, ведь ты, кажется, немножко умеешь плавать?"

Было у ходжи две жены. Каждой из них дал он голубые бусы и наказал отнюдь не показывать их другой. "Это — знак моей любви", — сказал ходжа. Но однажды обе они набросились на ходжу и закричали: "Кого из нас ты больше любишь, к кому тебя больше тянет?" Ходжа отвечал: "У кого голубые бусы, ту я больше и люблю". Женщины успокоились, и каждая, думая в душе: "Меня он больше любит", — считала себя выше подруги. Так умел ходжа ладить с женами.

Один бедняк из Акшехира, думавший только о том, что бы ему раздобыть к сухому хлебу, который перепадает ему, про-ходил как-то мимо харчевни. Видит — сковородка так и шипит да потрескивает, и во все стороны идет от нее аромат амбры. Он немедленно уселся на корточки перед сковородкой и, отламы-вая куски хлеба, держал их над дымом, и, по мере того как хлеб увлажнялся, кидал к себе в рот. Хозяин, дивясь такого рода изготовлению пищи, сначала наблюдал за ним спокойно. Но как только бедняк окончил еду, он схватил его за ворот и стал требовать плату за кушанье, которое он съел. Бедняк, ссылаясь на то, что он ни кусочка не взял у него, отказался платить.

А в это время судьей в Акшехире был ходжа. Трактирщик повел бедняка к судье. Выслушав как следует иск, ходжа вынул из кармана два пара* и подозвал трактирщика поближе к себе. "Наклони-ка хорошенько ухо", — сказал он ему и начал погромыхивать деньгами. "Получай!" — продолжал он; Трактирщик, изумленный, проговорил: "Что это значит?" А ходжа ему в ответ: "Решение вполне соответствует требованиям правосудия: кто продает пар от кушанья, тот получает звон от денег".

Приятель ходжи пришел к нему посоветоваться о деле. Он изложил ему все и в конце спросил: "Ну как? Разве я не прав?" Ходжа заметил: "Ты прав, братец, ты прав". На следующий день ничего не знавший об этом противник также пришел к ходже. И он так же, желая определить, чем кончится тяжба, рассказал ему дело, разумеется, пристрастно, в выгодном для себя свете. "Ну ходжа, что ты скажешь? Разве я не прав?" — спросил он у ходжи. И ему ходжа отвечал: "Конечно, конечно, ты прав".

Случайно жена ходжи слушала его разговор с тяжущимися и, увидев, что ходжа считает обоих правыми, вознамерилась пристыдить его и заметила: "Эфенди, вчера был у тебя сосед Коркуд, он объяснил тебе свое дело, ты ему сказал, что он прав. Потом пришел его противник Санджар, ты и ему сказал, что он прав. Как же это? Ты кази, а я вот уже сколько лет жена казн. Разве могут быть правы одновременно и истец, и ответчик?" Ходжа спокойно сказал: "Да, верно, женушка, и ты тоже права".

Ходже сообщили, что теща его, стирая белье, поскользнулась и упала в реку, но что тело ее еще не найдено. Ходжа вошел в реку и начал искать вверх по реке, идя по направлению

* *Пара — медная монета.*

к истоку. Ему говорят: "Эфенди! Разве труп может плыть вверх по течению? Ты ищи его лучше вниз по реке". Ходжа покачал головой и заметил: "Ах, вы не знаете, какой она упрямый человек! У нее все наоборот. Вы уж меня оставьте. Я хорошо изучил ее характер".

На заре, во время родов жены, ходжа держал в руках свечку; пришел час, и показался младенец; ходжа был обрадован. Но вот неожиданно за первым младенцем показался другой. Когда ходжа увидел это, он ахнул и немедленно потушил свечу. Женщины-соседки, что были здесь, рассердились и сказали ходже: "Пока свет солнца не озаряет горизонт, разве в такой серьезный момент можно тушить свечку?" Ходжа на это заметил: "Если свеча будет гореть, они все повылезут на свет".

Будучи в Конье, ходжа явился к хакиму* и попросил у него место казн в провинции. Так как всюду только что были назначены казн, тот ему отказал. Тогда ходжа стал просить какого-нибудь подходящего места в городе. Но о чем он ни просил, хаким под разными предлогами все отказывал ему. Наконец, ходжа сказал: "Эфенди! Раз вы проявляете по отношению ко мне такое большое расположение, раз вы решительно заверяете, что, если будет подходящее место, вы непременно дадите его мне, я попрошу у вас должность, которая свободна. Никаких соискателей и соперников нет. Ни правительству, ни народу не будет от того ущерба, а вам будет польза: это избавит вас от затруднительных тяжб, которые вы не можете разрешить". Хаким, согласившись, сказал: "Хорошо. Говори, что это за должность, я ее охотно тебе предоставляю". — "Вы назначьте меня, — заметил ходжа, — при себе "теневым кази". Этот

** Хаким — здесь — окружной судья.*

титул всем понравился. "Ладно, я назначаю тебя "теневым кази", — сказал хаким, — вот тебе комната". Ходжа серьезно садится в уголок, ставит перед собой небольшой столик, на него кладет письменные принадлежности и ежедневно приходит на службу.

Как-то раз один человек волоком приволок своего противника и говорит хакиму: "Эфенди! Этот человек не отдает того, что мне должен". Хаким спросил: "А ты что требуешь от него?" Истец отвечал: "Этот человек колол тридцать вязанок дров богачу Сираджедину. Всякий раз, как он ударял топором, я становился против него и подбодрял его: "Вот так! Вот так!" Словом я помогал ему. Теперь он забрал деньги, а мне за мои услуги ничего не дает". Хаким спросил у ответчика, так ли было дело, и тот подтвердил; но судья не мог определить, как должен он поступить. Находясь в затруднении, он вспомнил о "теновом суде" и сказал истцу: "Это дело мне не подсудно". Такие дела разбирает "теновой судья", который сидит вон в той комнате, напротив", — и направляет его туда с рассыльными, а сам, сгорая от любопытства, слушает через занавеску, что будет. Ходжа, выслушав тяжбу, обратился к истцу: "Да, ты прав. Еще бы, ты стоял против него, при каждом взмахе топора потел, уставал, а он забрал все деньги! Где это видано?"

ОТВЕТЧИК. Смиловитесь, эфенди! Дрова-то ведь я рубил, а он только стоял напротив меня; какое у него право на деньги?

ХОДЖА. Молчи, ты еще не дорос до понимания. Живехонько носи мне доску для счета денег.

Когда принесли доску, ходжа взял у человека, который колол дрова, деньги и начал кидать сверху по одной монете. "Деньги ты возьми, — присудил ходжа дровосеку, — а ты получай звон денег", — сказал он, обращаясь к истцу, который возгласом подбодрял Дровосека.

Необычайное разрешение тяжбы привело присутствующих в изумление.

Во время проповеди ходжа однажды сказал: "Мусульмане,

возблагодарите всевышнего, что он не дал верблюду крыльев, иначе крыши домов валились бы вам на голову".

Однажды ходжа забрался утром в огород и, что бы ни подвертывалось там: дыня, арбуз, морковь, репа, — все клал себе в мешок. Вдруг нагрянул огородник. Ходжа перепугался. "Ты чего тут делаешь?" — закричал огородник. Ходжа в смущении ответил: "Вчера вечером сильный вихрь забросил меня сюда". — "Ну, а это кто нарвал?" — спросил огородник, указывая на содержимое мешка. "Буря кидала меня из стороны в сторону, и вот, за что я хватался, то и оставалось у меня в руках". — "Хорошо, ну, а в мешок все это кто положил?" — "Вот об этом-то я как раз и думаю", — заметил ходжа.

Сидел однажды ходжа Насреддин на берегу реки. Подходят десять слепых и уговариваются с ним, чтобы он переправил их на другой берег. Ходжа начал их переносить, но каким-то образом на середине реки уронил одного в воду. Течение подхватило слепого и унесло. Остальные подняли крик, а ходжа сказал: "Ну чего вы, крикуны, шумите? Заплатите мне одной денежкой меньше — и мы в расчете".

Один мулла во время путешествия, встречая ученых, расспрашивал их о разных премудростях. Кто-то ему заметил: "Уж если кто знает обо всем этом, так только ходжа Насреддин в Акшехире". Дорога пролегла через Акшехир, и вот мулла

наткнулся за городом на человека, который пахал; одет этот человек был в абу*, голова повязана сарыком, а на ногах — чарыки**. Как оказалось потом, это и был ходжа.

Подойдя к нему, мулла отдал ему поклон. Во время беседы он заявил, что его мучат различные сомнения, и начал настойчиво расспрашивать о них ходжу. Ходжа заприметил у муллы прекрасные гранаты и сказал: "Если ты дашь мне в уплату гранаты, я разрешу твои недоумения". И что ни спрашивал у него мулла, ходжа на все отвечал, забирая у него гранаты, один за другим, пока не забрал все до единого. А мулла говорит: "У меня остался еще один вопрос, разреши уж, пожалуйста, и его" Ходжа заметил: "Проходи, проходи, не дури! Гранаты ведь кончились". С этими словами он поднялся и стал продолжать прерванную пахоту. "Ну, — подумал мулла, — если такие в Румской стране крестьяне, каковы же должны быть здесь ученые!"

Гуляя однажды по кладбищу, ходжа поскользнулся и упал в могилу. Сняв с себя одежду, выпачканную землей, он начал поправлять и чистить ее. Тем временем подумал: "Дай-ка я прикинусь мертвым; посмотрим, придут ко мне или нет Мункир и Некир***". Когда он так фантазировал, видит, что издали к кладбищу быстро несутся мулы. Ходжа, услышав сотни колокольчиков, шум и крики погонщиков, сразу не разобрал, в чем дело, и подумал: "Ой, ой, ой! Как неудачно я попал, — начнется светопреставление". Растерявшись, заметался он и, наконец, вылез из могилы и решил бежать.

Как раз в эту минуту мулы кинулись в его сторону. Испуганные видом человека в странном одеянии, мулы обезумели и, столпившись в кучу, перебили в мелкие осколки чашки, хрусталь, тарелки, посуду, — всю кладь, которая была на них.

** Аба — верхняя одежда из грубой шерсти; род плаща или бурки.*

*** Чарык — крестьянская обувь, сделанная из куска бычьей кожи.*

**** Имена ангелов, допрашивающих покойника в могиле.*

Сперва остолбенев, погонщики схватили потом палки и ринулись на ходжу. "Ты кто? Чего ты тут рыщешь?" — закричали они. Ходжа сказал: "Я с того света и вышел прогуляться". А здоровенные парни заметили: "Вот уж постой, мы покажем тебе, как гулять", — и нещадно принялись бить его по чем попало.

Еле волоча ноги, с тысячью затруднений ходжа в полночь добрался до дому. "Где это ты до сих пор пропадал?" — спросила у него жена. "Я упал в могилу, — отвечал ходжа, — и оказался среди покойников". — "Ну как на том свете? Что там слышно?" — осведомилась жена. "Ничего, только не советую тебе пугать мулов, нагруженных чашками", — заметил ходжа.

Как-то утром ходжа повязывал на голове сарык, и никак конец его не приходился назад. Он распускал сарык, снова обматывал — ничего не получалось. Надоело это ему, и он понес сарык маклеру. Нашелся покупатель-бедняк. А ходжа тихонько и шепчет ему на ухо: "Смотри, братец, не надавай цены, а то сарык достанется тебе, — и зря: конец его сзади не сходится".

Один человек нагнал ходжу на улице и кричит: "Эфенди, поздравляю, у тебя родился сын". На это ходжа спокойно заметил: "Коли у меня родился сын, — честь и хвала господе; ну, а тебе-то что?"

Однажды ходжа спросил у своей жены: "Как можно узнать, что человек умер?" Жена отвечала: "Коченеют руки и ноги, вот и все". Когда бедный ходжа после этого рубил в горах дрова, он

озяб до того, что руки и ноги у него перестали двигаться, и он бессильно опустил под деревом, подумав: "Я умер". В это время на его осла набросились волки. Бедный ходжа, с трудом подняв голову, сказал: "Ишь, какие хитрые! Выискали такого осла, у которого хозяин умер".

Однажды ходжа рубил в горах дрова, а в это время волк задрал у него осла. Когда ходжа вернулся, волк пустился бежать. Кто-то поднял шум: "Эй, караул, держите!" А ходжа заметил: "Ну чего ты, человек, без толку кричишь? Волк набил брюхо, и ему тяжело теперь подниматься в гору. Пожалей его!"

Однажды ходжа повел осла на базар. Видит — хвост у осла весь выпачкан. Он взял, отрезал хвост и положил себе в хурджум. Вот объявился покупатель. Оглядывая осла, он и говорит: "Ну на что годен бесхвостый осел!" А ходжа заметил: "Давай прежде столкнемся в цене, а хвост не за горами!"

Великий государь Мавераннахра*, вторгшийся во владения румского султана Йылдырыма Баязида, знаменитый завоеватель Тимурленг, после битвы при Анкаре, проживая одно время в Акшехире, обошелся очень ласково с покойным ходжой. Благодаря ходже жители Акшехира избавились от поголовного избиения кровопийцы Тимура и вообще от его насилий.

** По-арабски значит "то, что за рекой", т.е. страна за Амударьей — на северо-восток; в средневековье соответствовало понятию "Средняя Азия".*

Вот несколько рассказов, относящихся к этому времени.

Однажды ходжа Насреддин положил на большое блюдо три сливы и понес в подарок Тимурленгу. Дорогой сливы начали перекатываться на подносе с одной стороны на другую, и как ни говорил ходжа: "Сидите смирно, не двигайтесь, а то я вас съем!" — ничто не действовало: сливы все подпрыгивали и перекатывались. Ходжа, рассерженный, съел одну за другой две сливы и представил эмиру Тимуру всего одну сливу, Тимурленг очень был обрадован и пожаловал ему много денег.

Через несколько дней ходжа наложил в корзину свеклы и опять понес государю. Дорогой попался ему человек и, узнав, что ходжа несет Тимуру свеклу, сказал: "Отнеси ему инжир он еще больше обрадуется". Ходжа раздобыл несколько ока* хорошего инжиру и поднес Тимуру.

По приказу государя приближенные и слуги начали кидать в ходжу инжиром. И по мере того как инжир попадал ему в голову, ходжа то и дело причитал: "Благодарение господу, хвала тебе, милостивому, всещедрому! Теперь понял я смысл благодетельного совета". Тимурленг услышал это и спросил: "Ходжа, что ты все возносишь благодарения?" Ходжа отвечал: "Государь, я сперва было понес тебе несколько ока свеклы, но по дороге один человек отговорил меня от этого. Если бы я принес свеклу, что было бы со мной! Я лишился бы головы и глаз, и ничего бы от меня не осталось".

Однажды, в ту пору, когда ходжа был кази, пришли к нему два человека. Один предъявил к другому иск: "Вот он укусил меня за ухо". — "Нет, — сказал другой, — он сам укусил себя за ухо". Ходжа заметил им: "Приходите немного позже, я вынесу решение".

После этого он пошел в гарем и, уединившись в одной из комнат, начал производить опыты, говоря: "Посмотрим, может ли человек укусить собственное ухо". В то время как он тянул

* Ока — старая мера веса, равна 3 фунтам, чуть более килограмма.

себя за ухо и старался его укусить, он упал на спину и расшиб голову.

Повязав голову платком, он вышел в суд. Пришли опять тяжущиеся. Ответчик желая опровергнуть обвинения истца, говорит: "Господин судья, ну будьте справедливы, разве может человек укусить сам себя за ухо?" — "Может, сынок, может, — сказал ходжа, — может даже упасть и расшибить себе голову"

Однажды в полночь перед домом ходжи поднялся шум. Ходже захотелось узнать о причине ссоры. А жена и говорит ему: "Хозяин, ну что тебе за дело? Лежи себе да полеживай и не путайся в ночную драку". Однако ходжа не послушался и, завернувшись в одеяло, вышел из дому. Пока он выяснял причину ссоры, подошел какой-то человек, сдернул с ходжи одеяло — и был таков.

Ходжа, растерявшись, простоял дураком, пока все не разошлись, и, пощелкивая от холода зубами, вернулся домой. "Ну, в чем дело?" — спросила жена. "Да это, оказывается, спорили из-за нашего одеяла; как только одеяло ушло, кончилась и ссора", — отвечал ходжа.

Когда однажды ходжа лег спать, он услышал, что по крыше ходит вор. Он и говорит жене: "Вчера ночью я возвращался домой, постучал в дверь, а ты не слышала. Я прочел вот такую молитву и, ухватившись за лучи луны, вошел в дом". Вор, слушавший через дымовое отверстие этот разговор, запомнил слова молитвы и немедленно прочел ее. Схватившись обеими руками за лучи луны, чтобы, держась за них, спуститься тихо вниз, он с грохотом свалился через дымовое отверстие в комнату, разбившись насмерть. Ходжа подбежал к нему и схватил за шиворот: "Жена, — закричал он, — неси скорее свечу! Я поймал вора"; А вор бессильно стонал: "Помилосердствуй, не спе-

ши. Раз у тебя эта чудесная молитва, а у меня — такая безмозглая голова, я не так легко избавлюсь от тебя".

Однажды к ходже в дом забрался вор. Жена с беспокойством сказала: "Эфенди, у нас вор". А ходжа беззаботно ответил: "Тс! Ты молчи. Может быть, он найдет что-нибудь подходящее, а отнять у него уж будет легко".

У сына ходжи спросили: "Что такое баклажан?" — "А это малюсенький скворец, у которого еще не раскрылись глаза". Ходжа, сияя от гордости, воскликнул: "Я ему не говорил, это он сам своим умом дошел!"

Однажды вечером к ходже пришел гость. Легли спать. Ночью гость и говорит ходже: "Эфенди, справа у тебя свеча, дай я зажгу". — "Ты с ума что ли сошел? — заметил ходжа. — Откуда мне впотьмах знать, где правая сторона?"

Однажды теленка, который был у ходжи, одолели мошки; теленок начал неистово бегать. Ходжа схватил хворостину и начал бить быка. "Зачем ты его бьешь? — спросили у ходжи. — Он-то чем провинился?" — "Это он во всем виноват, — отвечал ходжа. — Если бы не он, откуда бы теленку быть таким разнужданным?"

Однажды ребяташки квартала, где жил ходжа, порешили между собой: "Давай-ка уговорим ходжу взобраться на дерево, а сами украдем его туфли". Они собрались у дерева и подняли сильный шум: "На это дерево никто не сможет влезть?" Мимо проходил ходжа и, услышав спор, подошел к ним и заявил: "Я влезу". — "Нет, не влезешь, — закричали они. — Хотя ты и кажешься крепким, а все-таки не каждому молодцу это под силу. Проходи-ка лучше!" Ходжа вскипел: "Как, я не влезу? Вот я сейчас вам покажу. И, подобрав полы платья за пояс, он принялся запихивать внутрь, за пазуху, туфли. "А зачем туфли суешь себе за пазуху? — удивились дети. — На что тебе туфли на дереве?" — "Э-э, ребятаки, — заметил ходжа, — пусть на всякий случай будут при мне, а может, с дерева откроется куда-нибудь дорога".

Однажды пригласил Тимурленг ходжу на игру в поло* и велел ему сказать: "Пусть садится на лошадь и приезжает, мы немного погарцуем". Был у ходжи громадный бык. Он приладил к быку вьючное седло и явился на ристалище. Когда его там увидели, площадь огласилась смехом. Эмир Тимур подзвал ходжу и говорит: "Ходжа, для поло требуется быстрая лошадь, которая носилась бы как птица. И чего ты сел на этого никуда не годного быка?" — "Правда, — заметил ходжа, — вот уже пятнадцать лет, как я его не испытывал, ну, а когда он был теленком, он бегал так, что не только лошади, но и птицы не могли за ним угнаться".

Однажды спустилась дочь ходжи за чем-то в погреб и видит, что ходжа спрятался за бочку и лежит. "Что ты здесь делаешь,

Поло — конная игра в мяч, перешедшая в Малую Азию из Ирана.

отец?" — спросила она. "Ах, дочурка, — сказал ходжа, — умереть бы мне на чужой стороне и избавиться от твоей матери!"

Однажды ходжа собрался ехать в мечеть для проповеди, окруженный учениками, и уселся на осла задом наперед. "Зачем ты так сел? — спросили ученики, — ведь тебе неудобно". — "Если я сяду как следует, — заметил ходжа, — вы будете сзади, а если вы пойдете впереди, тогда я буду позади вас. Вот потому-то так и лучше".

Как-то у Насреддина завелись деньги. Однажды, когда в доме никого не было, он закопал их в землю. Потом отошел к двери и подумал: "А ведь если бы я был вором, я сейчас же нашел бы деньги". Он достал деньги и закопал в другом месте. Опять посмотрел издали и говорит: "Нет, и так плохо". Словом, куда бы он ни закапывал, все ему не нравилось. Перед домом был небольшой холм. Он вырезал в саду хворостину, привязал к ней торбу, в торбу положил деньги и водрузил шест на холме. Потом он спустился вниз и взглянул вверх, — теперь душа его успокоилась: "Человек не птица, чтобы взобраться на самый верх шеста, — подумал он. — Да, хорошее отыскал я местечко!"

Оказывается, однако, какой-то плут следил за ходжой, и, как только ходжа ушел, вор поднялся на холм, вывернул шест из земли и взял деньги. Кончик шеста обмазал коровьим пометом и снова водрузил его на прежнее место. Как-то ходже понадобились деньги; он подошел к шесту и видит, что ни торбы, ни денег нет, а на самой верхушке шеста — коровий помет. В удивлении ходжа, покачив головой, сказал: "Я-то думал, что туда не взобраться человеку, а туда влезла на самую верхушку корова. Господи, боже ты мой, вот чудно-то!"

Как-то ходжа заболел, пришли соседки его проведать. Они увидели, что ходжа поправляется, и одна женщина шутя заметила: "Дай тебе бог долго жить! Ну, а если будет на то воля господня и ты помрешь, — как велишь ты нам оплакивать тебя?" Ходжа, и больной, никак не мог отстать от шутовства и сказал: "А вы причитайте: "Так вдосталь он и не полюбезничал с женщинами".

Однажды отправился ходжа ко двору Тимура. Тот велел посадить его на негодную клячу и взял с собой на охоту. В это время пошел дождь. Все погнали своих лошадей и поскакали обратно. А лошадь ходжи, разумеется, не могла быстро бежать. Тогда ходжа разделся догола и подобрал под себя платье. Когда дождь перестал, он опять надел на себя платье и вернулся домой. Падишах, увидев, что ходжа совсем не промок, осведомился, как это случилось. Ходжа отвечал: "Когда у человека такая боевая лошадь, разве может человек намокнуть? Только начался дождь, я пришпорил коня, и он в один миг, как птица, доставил меня сюда". Падишах удивился и велел поставить лошадь в главную конюшню.

Как-то снова собрались на охоту. Падишах садится на ту лошадь. Случайно опять полил дождь. Ходжа и другие участники охоты пришпорили коней и приехали домой, а падишах, сидевший верхом на той кляче, промок до последней нитки. Домой вернулся он поздно и, позвав на следующий день ходжу, начал ему выговаривать: "Разве пристало тебе лгать? Я из-за тебя промок до костей". — "Чего ты сердишься? — заметил ходжа. — Где же был у тебя ум? Если бы ты снял с себя платье, как я, и спрятал его под себя, а потом, когда кончился дождь, снова бы надел его, ты бы не вымок и приехал сухоньким".

Как-то рано утром услышал ходжа, что арба, стоявшая у дверей его дома, отправляется к нему на родину в Сиврихисар. Он сейчас же вскочил с постели и как был, в рубашке, кинулся к арбе. Так как ходжа был человек почтенный и уважаемый, то все промолчали. Когда подъезжали к Сиврихисару, возчики послали вперед человека оповестить, что едет ходжа. Все крестьяне высыпали навстречу, но, увидев не одетого ходжу, с удивлением спросили: "Что это значит, ходжа?" А ходжа — да почиет над ним милость Аллаха! — сказал: "Я так стремился к вам, что забыл надеть одежду".

Повстречал однажды ходжа талебэ и говорит им: "Пожалуйте к нам". Так довел он их до дверей своего дома. "Вы немножко здесь постоит", — прибавил он, а сам прошел в гарем и сказал жене, чтобы она под каким-нибудь предлогом спровадила талебэ, стоявших перед дверью. Жена, подойдя как ни в чем не бывало к двери, спросила, что им нужно, и тут же добавила: "Его нет дома". Талебэ заметили: "Ну что ты? Вот только что мы вместе пришли, он сам затащил нас сюда". Но жена продолжала уверять, что ходжи нет дома. Те подняли шум. Ходже стало невтерпеж, и, высунувшись из окна, он закричал: "Что вы препираетесь? Да, может, в доме две двери: я вошел в одну, а вышел через другую".

Когда ходжа находился в Конье, ему однажды осторожно сообщили: "Кажется, твоя жена умерла". А ходжа отвечал: "Если бы она не умерла, я бы, разумеется, с ней развелся".

Однажды осел, на котором ехал ходжа, пустился вскачь, и ходжа упал. Ребятишки, смеясь, закричали: "Ходжа упал с осла!" — "Ах дети, дети! — сказал ходжа. — Да ведь если бы я не упал, то все равно пришлось бы с него слезать".

У ходжи издох осел. "Без осла нам не обойтись, — сказала жена, — купи на базаре осла, вот тебе шесть пиастров". Ходжа купил на базаре осла и, не оборачиваясь назад, повел его за недоуздок. Когда он так шел, два хулигана столкнулись и тихонько сняли с осла недоуздок. Один из них свел осла на базар и продал, чтобы потом разделить деньги, а другой надел недоуздок себе на голову и в таком виде пошел с ходжой к дому. Как только ходжа, обернувшись, вместо осла увидел человека, он остолбенел. "Вот так так! Да ты кто?" — спросил ходжа. Хитрец, засопев и сморщившись, печально проговорил: "Все это по невежеству; я как-то напроказничал и очень досадил матери. Мать и прокляла меня: "Чтобы ты стал ослом!" — сказала она. — И вот я немедленно превратился в осла. Меня отвели на базар и продали; вы купили, а теперь с вашей легкой руки я опять сделался человеком". Так говоря, человек благодарил ходжу. Ходжа отпустил его, посоветовав впредь вести себя хорошо.

На следующий день ходжа снова пошел на базар, чтобы купить осла, смотрит — барышник опять водит того самого осла, которого он у него купил. Тогда ходжа наклонился к уху осла и, смеясь, сказал: "Ах ты такой-сякой! Должно быть, ты меня не послушал и опять прогневал свою матушку".

Тимурленг сказал ходже: "Ходжа, ты знаешь, что у всех

аббасидских халифов* имеются свои прозвища: одного зовут Мутаваккиль ала-ллахи, другого — Мутасим би-лляхи, и так далее. Ну, а если бы я был Аббасид, какое было бы у меня прозвище?" Ходжа отвечал: "О державный властелин, будьте уверены, что вас прозвали бы "Наузу би-лляхи"***.

У ходжи спросили: "Когда несут покойника, то где следует находиться — впереди или позади гроба?" — "Только не вну-три, — сказал ходжа, — а там, где хотите, все равно".

Однажды, когда ходжа Насреддин находился у Тимура, привели пьяного сипахи***. Тимур приказал дать ему триста палок. Ходжа улыбнулся, а Тимур, рассердившись, велел набавить еще двести палок. Ходжа разразился смехом. Тимур, распаленный, словно пламя, вырвавшееся из печи, закричал: "Всыпать ему восемьсот ударов!" Тут у ходжи ослабли все поджилки: схватившись за живот, он закачался, надрываясь от смеха. А Тимур, подпрыгивая от гнева, кричал: "Ах ты, веротступник, на голове у тебя сарык с мельницу, а ты издеваешься над наказанием, которое я назначаю по шариату****, да еще в присутствии великодержавного владыки, который сотрясает

** Прозвища аббасидских халифов (VIII—XIII вв.) часто заключали в себе упоминание имени Аллаха: например, Мутаваккиль ала-ллахи значит: "Возложивший упование на Аллаха".*

*** Наузу би-лляхи — священная мусульманская формула ("Мы прибегаем к заступничеству Аллаха") в разговорном языке употребляется в смысле "не дай бог", "избави бже".*

**** Сипахи — ленник-феодал в средневековой Турции, получавший землю при условии несения военной службы; позднее — просто помещик.*

***** Шариат — религиозное право ислама: совокупность норм, регулирующих религиозные, семейные, гражданские и уголовные отношения мусульман.*

мир! Должно быть, ты ничего не боишься, если и теперь продолжаешь смеяться?" Ходжа сказал: "Ты прав. Я понимаю всю серьезность положения. Я признаю, что ты жестокий кровопийца, но что поделаешь, — дивлюсь я: или ты не знаешь цифр, или ты не такой, как все мы, созданные из мяса и костей, а твоё тело, как и твоё имя, из настоящего железа. Ты ничего не слышал о пречистом шариате, который собираешься оберегать: какая разница между восьмьюдесятью ударами, указанными шариатом, и восьмьюстами ударами, назначенными тобой? Приказать легко, но разве можно вынести такое наказание? Ты бы потрудился раньше подумать: может быть выполнено или нет то приказание, которое ты собираешься отдать?"

Как все люди просвещенные и мудрые, ходжа охотно во-
дился с малыми детьми. Обыкновенно акшехирские ребята собирались вокруг него и заводили с ним разговоры, смеялись, играли, словом, весело проводили время. Если у них было какое-нибудь затруднение, они бежали к нему.

Как-то раз набрали они грецких орехов, но при дележе вышел у них спор. Они пришли к ходже и говорят: "Раздели между нами эти орехи". Ходжа спросил у них: "А какой хотите вы дележ, божеский или человеческий?" В кристальных душах детей сверкнула мысль: "А что, попросим поделить по-божески!" И ходжа начал делить между детьми орехи: одному вздумал он дать горсть орехов, другому дал всего несколько орехов, кому — всего один орех, а нескольким детям не дал ничего.

Дети никак не могли понять такой странный дележ. Они спросили: "Ходжа, что же это такое?" И ходжа отвечал: "Не шумите, давайте разберем. Вот у Бедиэددина очень богатый отец; это один из именитых граждан в нашем городе; дома у **него** благодать: и семья у него большая — детей много, и все красавцы на подбор. А у этого крохотного Синанеддина отец — бедный-пребедный; хлопот по дому много, сам он калека, работать ему трудно, и жена у него тоже больная, а кушать все

хотят. У Хусамеддина — опять совсем по-другому. Словом, у каждого что-нибудь свое, особенное. Ну, а мое, скажем, положение совсем ни на что не похоже. Вот это и есть божеский дележ, ребятки. Нет границ и предела милостям и щедротам всевышнего Аллаха. Он даровал людям разум, показал добро и зло, пользу и вред. Человек, умеющий пользоваться божественными дарами — умом, знаниями, опытом, чувствами и мощью, бывает осыпан разнообразными божественными милостями, а тот, кто не знает пути правильного пользования, — обездолен. Вот оттого-то при дележе по-божески и происходит разница. А впрочем, один Аллах все это ведает".

Пошел ходжа с Тимурленгом в баню. "Если бы я был обыкновенным человеком, сколько акча стоил бы?" — спросил Тимурленг у ходжи. "Пятьдесят акча", — отвечал ходжа. "Эй ты, глупец! — гневно закричал Тимурленг. — Да один запон, что на мне, стоит пятьдесят акча!" А ходжа как ни в чем не бывало заметил: "Да я, собственно, и расценивал только запон".

Когда ходжа ехал на базар, ребятишки квартала стали наперебой заказывать ему дудки. Ходжа всем им говорил: "Хорошо! Хорошо!" И только один мальчик сказал: "Возьми вот эти деньги и купи мне дудку". Под вечер дети поджидали ходжу на дороге, и, когда он въехал в город, окружили его. "Ну, ходжа, где же наши заказы?" — закричали они. Ходжа протянул дудку тому мальчику, что дал деньги, и сказал: "Кто дал деньги, тот и играет на дудке".

У ходжи спросили: "Что ты скажешь о совершенстве боже-

ственной воли?" — "С тех пор как я себя помню, — сказал ходжа, — случается постоянно то, что говорит господь бог; а если бы сила была не в руках господа, когда-нибудь да исполнилось бы то, что я говорю". Так кратко и убедительно определил ходжа понятие о божественной воле.

У ходжи спросили: "Когда наступит светопреставление?" — "Которое светопреставление?" — уточнил ходжа. "А сколько бывает светопреставлений?" — удивился спрашивающий. "Если умрет моя жена, — сказал ходжа, — это — малое светопреставление, а я умру — это большое светопреставление".

Один приятель пришел к ходже и говорит: "Напиши мне письмо, я хочу послать моему другу в Багдад". — "Брось ты ради бога, — возразил ходжа, — сейчас нет у меня времени идти в Багдад". Так говоря, ходжа вышел из дому. Человек, удивленный, побежал и, нагнав ходжу, сказал: "Голубчик, да разве для того, чтобы написать письмо, нужно идти в Багдад?" Ходжа объяснил ему: "Ну что тут непонятного? У меня очень скверный почерк, только я один и могу его разобрать. Поэтому письмо, которое я напишу, сам я и должен прочесть, иначе содержание письма останется неизвестным".

Ходжа сажал в винограднике молодые саженцы. Увидел это приятель и говорит: "Когда-то они вырастут и когда-то еще дадут плоды! Не скоро придется тебе их отведавать". А ходжа отвечал: "И мы ведь кушаем плоды с деревьев, которые не нами посажены, а теми, кто жил раньше нас. Пусть и потомки кушают плоды с моих саженцев".

У ходжи спросили, что полезнее: "Солнце или луна?" Он так отвечал: "Солнце всходит днем, а когда темно, пользы от него нет; а луна рождается ночью и озаряет все светом, словно день, следовательно, луна полезнее солнца".

Жена ходжи почувствовала колики и стала просить ходжу позвать врача. Только ходжа вышел за дверь, жена высунулась в окно и сказала: "Слава богу, боль прекратилась, не нужно врача". Ходжа быстрехонько побежал к врачу и объявил: "Заболела, было, у меня жена, я должен был привести к ней врача, но когда я выходил из дому, жена высунула голову на улицу и сказала: "Слава богу, теперь нет надобности во враче". Вот я и пришел сказать тебе, чтобы ты не беспокоился и не ходил к нам".

Однажды Тимурленг спросил у ходжи, долго ли это люди будут все рождаться и помирать. "Пока, наконец, не наполнятся ад и рай", — отвечал ходжа.

Один скупец сказал ходже: "И ты любишь деньги?" — "Да, — отвечал ходжа, — люблю, потому что деньги делают человека независимым от бессовестных скряг".

Взвалил ходжа Насреддин ношу на амбала и пошел с ним. Но дорогой он потерял его из виду и, как ни искал, не мог найти.

Дней- через десять шел ходжа с приятелями: один из них и говорит: "Смотри, вот идет амбал, которого ты ищешь". И только он сказал это, ходжа поскорее незаметно скрылся.

Когда они опять увиделись, приятель спросил у него: "Отчего ты не схватил тогда этого амбала, а убежал?" Ходжа ответил: "Как мне было не бежать? С тех пор как я потерял амбала, прошло десять дней, а что, если бы амбал схватил меня и сказал мне: "Вот десять дней я таскаю твою ношу и теперь требую с тебя плату?" Ну что бы мне делать, если бы он потребовал с меня плату за десять дней?"

Однажды ночью было очень жарко, и жена, как это водится во многих местах.Анатолии, разостлала постель на крыше дома. Когда ходжа растянулся на ложе, жена начала заигрывать с ним; поднялся шум и спор, и ходжа закричал: "И в постели нет от тебя покоя!" Он встал, и, думая, что он в доме, пошел вперед и кубарем свалился с крыши вниз. Соседи, спавшие, как и ходжа, на крыше, услышав шум, собрались около охающего и стонущего ходжи, который хотел пройти к себе в дом. "Что случилось? Что случилось?" — стали они спрашивать. А он отвечал любопытным: "Кто спит на крыше и спорит с женой, тот понимает, в чем дело".

Был ходжа в собрании, где только что приехавшие из Аравии путешественники рассказывали, что там делается. Между прочим, они говорили: "В Аравии в некоторых местах очень

жарко, и жители городов ходят совершенно голые". — "Как же там различают мужчин от женщин?"* — задал вопрос ходжа.

Попал ходжа в какой-то город. Когда он ходил по базару, кто-то протиснулся к нему и спросил: "Какой сегодня день?" Ходжа отвечал: "Я пришел сюда сегодня и не успел еще изучить здешние дни. Спроси у местного жителя".

Ходжа наблюдал, как рыбаки ловили сетями рыбу в Акше-хирском озере. В рассеянности он поскользнулся и попал в сети. Рыбаки сказали ему: "Ходжа, что ты сделал?" Ходжа отвечал: "Мне захотелось быть дельфином".

Пропала у ходжи курица. Он нарезал несколько кусочков черной материи и повязал цыплятам на шею. "Это что?" — спросили у ходжи. "Мать их умерла, вот они и носят траур", — отвечал ходжа.

Собрался раз ходжа разводить огонь. Уж он дул, дул — огонь все не горит. Он поднялся тогда наверх и взял хотоз** жены; надел его себе на голову и начал дуть, — пламя сразу

* Ходжа хочет сказать, что обыкновенно женщины ходят укутанные и отличить их от мужчин легко.

** Хотоз — высокий женский головной убор.

вспыхнуло. "Ага, видно, и печка боится моей жены", — решил ходжа.

Однажды ловил ходжа рыбу на берегу Акшехирского озера. Поймал пять-десять рыбешек. Наконец ему надоело, и когда он собирался уже уходить, ребятишки подступили к нему и незаметно, по одной, по две, растащили у него всю рыбу. Ходжа поднялся и хотел идти, смотрит — а корзина пустая. Тогда обернувшись к озеру, он сказал: "Видишь, я пришел ни с чем и ухожу ни с чем. Не хочу я оставаться у тебя в долгу. Бери, вот тебе еще", — и он кинул в озеро корзину.

В одном собрании шел разговор о верховой езде. Вздумалось и ходже рассказать, он начал: "Был я в таком-то поместье. Кяхъя* привел лошадь, а лошадь та была с норовом, заупрямилась и никак не давалась в руки. Хотели на нее сесть деревенские парни, но она к себе не допускала. Все-таки один паренек вскочил на нее, а она его как подкинула вверх — и сбросила на землю. Выискался другой, но и он не мог сесть. Так, смотрю, все тщетно перепробовали. Тут и меня разобрало. Я был тогда молод. Подобрал я полы джуббэ, засучил рукава, ухватился за гриву, подскочил и..."

Только он произнес это, как вдруг увидел, что вошел человек, находившийся как раз тогда в поместье. Ходжа продолжал: "...и... не мог на нее сесть".

Когда ходжа был кази, один человек потащил своего про-

* Кяхъя — управляющий, староста.

тивника в суд и говорит: "Этот человек взял у меня во сне звонкой монетой двадцать акча. Я требую у него долг, а он не отдает". Ходжа, оказав на ответчика давление, взял у него двадцать акча и, звонко пересчитав их, положил в ящик и заметил истцу: "Забирай звон! И чтобы больше никаких претензий!" Потом повернулся к ответчику и сказал: "А ты бери обратно свои деньги".

Сутяга со стыдом ушел из суда, а присутствующие были удивлены мудрым решением ходжи.

Задолжал как-то ходжа бакалейщику пятьдесят три акча и долго никак не мог отдать их. Когда однажды сидел ходжа с приятелями на базаре, показался перед ним бакалейщик и стал руками делать ему знаки, желая показать, что, если он не отдаст ему денег, он осрамит его перед всем честным народом. Ходжа вздумал было отвернуться от него, но бакалейщик зашел с другой стороны и продолжал подавать ему угрожающие знаки. Ходже стало невтерпеж, и, покачав несколько раз головой, он начал читать стих Корана: "Нет силы и мощи как только у Аллаха". Но так как стоявший перед ним был не призрак, не дьявол, исчезающий, когда читают слова: "Нет силы...", — мимическая сцена продолжалась. Тогда ходжа громко воскликнул: "Господи, даруй мне терпение и не предавай меня в руки этого негодяя!" Тут приятели уж догадались в чем дело. А бакалейщик все не отстает. У ходжи иссякло всякое терпение; в гневе позвал он бакалейщика и сказал: "Послушай, сколько я тебе должен?" — "Пятьдесят три акча, — отвечал бакалейщик. "Великолепно, завтра приходи и получишь двадцать восемь акча; придешь послезавтра — получишь еще двадцать акча. Стало сорок восемь акча? Сколько еще осталось? Всего-то каких-нибудь пять акча. Ах ты, грубиян невежда! И не стыдно тебе из-за каких-то пяти акча позорить меня на базаре перед друзьями и недругами? Стыдись".

Случайно загорелся дом ходжи. Побежал сосед и, разыскав ходжу, сказал: "Беги скорей: твой дом горит. Я стучал, стучал, никто не откликается. Поспешай!" А ходжа, не проявляя и тени волнения, заметил: "Братец, мы с женой поделили домашние дела, и я теперь совершенно спокоен. Я взял на себя обязанность зарабатывать деньги, а за домом смотреть — ее дело. Потрудишься уж, сообщи о пожаре моей жене. А я в это не вмешиваюсь".

Ехал ходжа на парусной лодке. В пути поднялась сильная буря и порвала паруса. Когда ходжа увидел, что матросы лезут на мачту и подвязывают паруса, он сказал: "Чудаки! Это суденышко качается у основания, а они возятся на верхушке. Если вы не хотите, чтобы оно качалось, так и привяжите его у основания".

Положил ходжа на осла дрова, взобрался на него и, поставив ноги в стремя, стоя поехал. Увидели ходжу ребятишки и, указывая на него, столпились вокруг и заливались смехом. "Ходжа, да отчего ты не сядешь и не поедешь спокойно?" А ходжа отвечал: "Детки, будьте справедливы, мне еще навалиться на осла всей своей тяжестью, как будто мало и того, что он тащит ношу! Спасибо ему, благодетелю, что он еще подобрал с земли мои ноги".

Кто-то подарил Тимурленгу хорошего крупного осла. Ти-

мурленг обрадовался, а придворные льстецы так расхваливали осла, будто такого животного никогда еще и не было видано на свете. Когда дошел черед до ходжи, он заметил: "Я вижу в этом красивом животном большие способности, и надеюсь, что если осла обучать, он будет грамотным". Услышал это Тимурленг и сказал: "Если ты сможешь обучить его этому искусству, я осыплю тебя дарами; но берегись, чтобы не подтвердился на тебе рассказ Саади в "Гюлистане", как одному шуту захотелось обучить осла человеческой речи. Мудрец, услышав, что шут занят этим делом, сказал: "Зверей тебе ни за что не научить говорить. Если ты человек, учись у них молчанию". Ну так вот, если ты не научишь осла, я не только сделаю из тебя посмешище, но еще накажу тебя как следует".

Ходжа заметил: "Лживое утверждение в вашем высоком присутствии указывало бы или на идиотство человека, или на безумие. Я-то не дурак, чтобы рисковать своей жизнью, и не сумасшедший, которого сажают в смиренный дом. Очевидно, я знаю, что вам докладываю. Но только дайте мне сроку три месяца и соблаговолите отпустить мне на расходы столько-то денег, а остальное уж предоставьте мне".

В предположении, что, конечно, дело это кончится какой-то потехой, требования ходжи были исполнены. В течение трех месяцев ходжа хорошо кушал, пил, а утром и вечером обучал осла. Когда срок истек, на площади устроено было по указанию ходжи собрание, и в назначенный час показался изумительный осел, на котором красовались расшитые золотом седло и попона; осла вел под уздцы ходжа. Раскланиваясь во все стороны, оба они, осел и ходжа, направились к книге, положенной на скамью. Осел спешно начал перелистывать языком страницы и, до определенного места, обернулся к ходже и грустно заревел по-ослиному. Присутствующие разразились смехом, смешанным с удивлением. Стало весело и эмиру Тимурленгу. Он пожаловал ходже большие дары и спросил у него, как он обучал осла, и ходжа рассказал следующее:

"В тот день, когда я привел осла в конюшню, я пошел на базар и купил сто листов пергамента. Пергамент снес я переплетчику и велел сделать толстую тетрадь. А между страницами положил ячмень. Дней десять я ежедневно несколько раз сам раскрывал страницы и показывал их ослу, — осел подбирал

ячмень. Через пятнадцать дней я клал тетрадь перед ним, иногда заставлял его самого открывать, а иногда сам открывал. Таким образом осел научился открывать тетрадь. Но иногда на него находила ослиная тупость, и он ни за что не мог понять, что ему нужно делать. И вот, чтобы он не осрамил меня, я все время упражнял осла; морил его голодом и научил перелистывать правильно языком страницу за страницей. А иногда я не клал ячменя; тогда, переворачивая страницы, он видел, что труд его впустую, и от голода начинал реветь. Мне самому понравилось такое обучение, и я от души смеялся в конюшне. Для меня это стало наилучшей забавой, тем более, что благодаря осла мне перепало немало денег, и я кушал и пил в полное свое удовольствие. Последнее испытание, проделанное в вашем присутствии, — есть результат двухдневного голода. Осел перебрал все страницы и, не найдя ячменя, посмотрел на меня жалобно и заревел. А эта рукопись, вынесенная на площадь, написана художественно, со всем искусством; с виду она похожа на ту рукопись, что была в конюшне, но в той, разумеется, не было никаких писем, а были одни кривульки, расположенные строчками".

Добавление. Когда в собрании стали говорить: "Это что за чтение? Мы ничего не могли разобрать. Ну, осел раскрыл рукопись и, когда дошел до определенного места, заревел. Ну, и что из этого?" — на это ходжа разумно заметил: "Но ведь ослы и не умеют лучше читать".

Жена ходжи Насреддина заметила, что когда он ел финики, то не выплевывал косточек. Она сказала ему: "Ай, ай, ты, кажется, глотаешь косточки?" Ходжа отвечал: "Конечно, глотаю, ведь когда я покупал финики, продавец засчитал их в вес. Если бы косточки так просто выкидывались, за них не брали бы денег. А я отдал за них кровные денежки, стало быть, могу ли я их выбрасывать на улицу? Кто это сказал тебе, что я человек расточительный? Я заплатил за них деньги и скушал на здоровье. Вот тебе и сказ!"

Прошло всего три месяца, как ходжа женился, а жене пришлось время родить, и она потребовала бабку. Ходжа, растерянный, заметил: "Женщины, как мы знаем, рожают через девять месяцев. А это что ж такое?" Жена рассердилась и говорит: "Это что значит? Да разве девять месяцев не прошло? Ну и чудак же ты! Сколько времени я замужем за тобой? Три месяца, не так ли? А с тех пор, как ты взял меня? Тоже три месяца. Стало шесть месяцев? Да три месяца носила я ребенка в своей утробе. Вот тебе и девять месяцев". Ходжа думал, думал и, наконец сказал: "Ты права, жена, мне не пришли в голову эти тонкие расчеты. Уж ты извини меня: ошибся".

По смерти жены ходжа женился на вдове и время от времени заводил разговор о добродетелях покойницы. Новая жена, обиженная, начала говорить о достоинствах покойного мужа. Наконец, ходже все это надоело, и он, ударив ногой жену, лежавшую на седире*, столкнул ее на пол. У нее заныла от боли рука. Когда на другой день пришел проведать ее отец, она пожаловалась ему на ходжу. А так как отец был человек бывалый, он не придавал значения стонам дочери; однако спросил у ходжи, как это было. Ходжа сказал: "Вот я тебе сейчас все расскажу, а ты рассуди по справедливости". Я — раз, покойная жена моя — два, теперешняя жена — три, а с покойным мужем ее стало всего четверо. Ну, помилосердствуй! Хотя я и неприятный, однако разве может у меня на постели уместиться четыре человека? Конечно, нам стало тесно. Она лежала с краю и кувырнулась вниз. Ну, а я-то здесь при чем?"

**Седир — высокий настил вдоль стены — днем для сиденья, ночью для сна,*

Однажды ходжа, будучи софтой*, отправился в деревню для сборов. Во время проповеди в мечети зашла речь об Иисусе — да будет над ним мир! — и ходжа заметил, что он находится на четвертом небе. Когда он выходил из мечети, к нему подошла старушка и сказала: "В твоей проповеди меня очень заинтересовало одно место. Ты сказал, что Иисус — да будет над ним мир! — находится на четвертом небе. Голубчик мой! Что же он там кушает и что пьет?" Ходжа рассердился и закричал: "Ах ты, дерзкая! Вот уж месяц, как я в вашей деревне, ты бы лучше спросила, что кушает и что пьет бедняжка ходжа. А ты вздумала спрашивать меня о великом угоднике, залитом сиянием милостей на предвечном пиршестве на четвертом небе".

Пришла однажды к ходже соседка и говорит: "Послушай, читай мою сумасбродную дочь или напиши заклинание. Сделай только что-нибудь; может быть она отойдет. А то каждый день она схватывается со мною. И чего только она не выкидывает! Она меня побьет". Ходжа отвечал: "Знаешь, я старик, и мое заклинание не подействует. Найди ей мужа, лет двадцати пяти-тридцати; он ей будет и муллой, и мужем. А там — семья, мечты о детях, и она будет мягка, как воск, тиха, как ангелочек".

Тимурленг обследовал имущественное положение градоправителя Акшехира и под тем предлогом, что он растратил деньги, собранные в счет налогов, потребовал его к себе, чтобы

* *Софта* — ученик в медресе.

конфисковать его имущество. Он разорвал книгу счетов, написанных на бумаге, и насильно начал пихать ему бумагу в рот. Осуществив задуманную конфискацию, он ободрал градоправителя, как липку, — у того не осталось и медной полушки.

Потом Тимурленг призвал ходжу и приказал ему, во внимание к его честности, принять на себя надзор за сбором налогов. Никакие отговоры не действовали, — Тимурленг и слышать ничего не хотел. В начале следующего месяца он потребовал отчета, и, увидев, что отчетность выписана на пидэ*, испеченном на золе, Тимурленг, ядовито улыбаясь, спросил: "Это что?" — "Да разве в конце концов, мне не придется глотать счет? — заметил ходжа. — У вашего покорного слуги не такой аппетит, как у моего предшественника. Я старик, и мой желудок может переварить только такую пищу".

Зажарил однажды ходжа гуся и понес государю. Дорогою, проголодавшись, он в укромном месте спустил в брюхо одну гусиную лапку. Представ перед падишахом, он поднес ему, соблюдая церемонии, подарок. Тимуру бросилось в глаза, что гусь без одной ноги, и он спросил об этом у ходжи. "У нас в Акшехире все гуси одноногие, — заметил ходжа. — А если не веришь, взгляни на гусей, что у источника". Действительно, в то время гуси, гревшиеся на солнце у источника, стояли на одной ноге и, опустив голову, дремали.

Выглянув из окна, падишах долго смотрел на этих гусей.

В это время случайно заиграли зорю. Музыканты разом ударили в барабан колотушками, от гула труб застонало небо, и гуси, став на обе ноги, начали боязливо кидаться из стороны в сторону, чтобы только куда-нибудь убежать. Тимур подозвал ходжу к окну и сказал: "Ходжа, ты говоришь неправду; посмотри: у гусей — по две ноги". — "Ну, если бы ты отведал этих палок, — заметил ходжа, — ты пополз бы на четвереньках".

* *Пидэ* — плоская белая лепешка.

Пришли однажды к хакиму два человека. Истец и говорит: "Эфенди! Этот человек шел, взвалив на спину дрова». Нога у него запнулась, он упал. Дрова свалились, и он попросил меня взвалить ему вязанку дров на спину. Я спросил у него, что он даст мне за это. "Ничего", — сказал он. "Ладно", — подумал я и согласился. Взвалил ему дрова и потребовал обещанное им "ничто", а он мне не дал. Вот я и требую теперь от него это "ничто". Удовлетворите меня в моих правах".

Их хаким переправил к "теневого судье", искусство которого в разрешении подобных тяжб было уже испытано. Ходжа, согласно положению, внимательно выслушал все, как было, и сказал: "Ну, конечно, ты прав: безусловно он должен исполнить свое обещание — уплатить свой долг, — и, указывая на коврик, на котором сидел, продолжал. — Подойди, сюда, дружок! подними этот ковер, на котором я сижу. Что там?" - "Ничего", — отвечал истец. "Возьми его и уходи. Ну-ну, не задерживайся, бери, что тебе принадлежит, и проваливай!"

У ходжи спросили: "Как сделаться настоящим человеком?" — "Когда знающие говорят, — наставлял ходжа, — нужно внимательно слушать, а если кто-нибудь тебя слушает, собственные уши твои должны слышать те слова, которые ты говоришь".

Лежа на смертном одре, ходжа сказал своей жене: "Ну-ка, женушка! Надень самые пышные платья, приведи в порядок волосы и заулыбайся. Постарайся приукраситься, как только можно, и приходи ко мне". А жена и говорит: "Как могу я

бросить тебя в тяжелое время? Где уж мне думать о нарядах? Я ни за что не стану этого делать. Да и для чего? Неужели ты считаешь меня такой бессовестной, неблагодарной?" — "Нет, дорогая жена, — возразил ходжа, — напрасно приходят тебе в голову такие мысли. Цель у меня совсем другая: я вижу, что подошел мой смертный час. Азраил все время вертится около меня. Если он увидит тебя в нарядном платье, похожую на ангела, раскачивающуюся, как павлин, быть может, он возьмет тебя, а меня оставит в покое".

Жена от изумления смотрела на ходжу. А одна из женщин, бывших при этом, воскликнула: "Дай бог, чтобы так не было! Но видно, когда придет твой конец, ты и тогда не изменишь своему характеру".

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Юмор и острословие были свойственны литературам Востока с древнейших времен.

Литературные произведения, написанные в первых веках н.э. на среднеиранских языках, содержали в себе иронию и отзвуки народного юмора.

Так, в одном из пехлевийских произведений приведен словесный поединок пальмы и козы. Пальма — козе: "Палку из меня делают, которой твою шею "целуют", кол из меня делают, на который тебя вниз головой вешают". Коза — пальме: "Таковы мои золотые слова, что я слагаю перед тобою, подобно тому как мечут бисер перед свиньей или боровом или же играют на лютне перед бешеным верблюдом".

Ирония, юмор и сатира процветали на Востоке от века к веку в произведениях Рудаки и Фирдоуси, Ибн Сины (Авиценны) и Омара Хайяма, Саади и Хафиза, Навои и Джами. Несомненно, что в классической восточной поэзии и прозе своеобразно проявлялись фольклорные мотивы. Образ смелого и находчивого остряка, смехом побеждающего противника, встречается в сказках всех народов Востока.

Характерно, что в наиболее тяжелые и переломные моменты в жизни народов смех становился настоящим оружием. Так было во времена арабского завоевания и антихалифатских движений в VII-IX вв., во время монгольского нашествия и антимонгольских восстаний XIII-XIV вв., в Средней Азии в период завоеваний Шейбанидов и народных восстаний XVI-XVIII вв. Сатира становилась распространенным жанром на восточных "окраинах" Российской империи в XIX-XX вв.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что образ Насреддина создан в народной среде в один из острых моментов — в период антихалифатских народных движений в Иране и Средней Азии.

В то же время очень многие, в том числе серьезные ученые, считают, что ходжа Насреддин не миф, не легенда, а реально существовавшее историческое лицо. Считается, что его могила находится в Акшехире, а его родина — Сиврихисар (Малая Азия).

В документах духовного архива Акшехира есть косвенное

упоминание о Насреддине, ученике и последователе сейида Махмуда Хайрани и ходжи Ибрагима-султана. Скупые сведения о каком-то Насреддине, выступившем свидетелем при регистрации двух дарственных документов названных выше ученых, дополняются заявлением муфтия Хасана, который в 80-х годах XIX столетия исследовал архивы Сиврихисара и как будто бы установил, что ходжа Насреддин родился в 605 году хиджры в деревне Хорто близ Сиврихисара, а отец его Абдулла был имамом. В 635 году хиджры он ушел в Акшехир, где умер в 683 году хиджры (1284—1285 г. н. э.), т.е. ходжа Насреддин жил в XIII веке в монгольскую эпоху, захватив угасание династии Сельджукидов.

Как бы там ни было, несомненно одно: в процессе взаимобмена культурными ценностями все народы мусульманского Востока внесли свой вклад в развитие образа ходжи Насреддина. Это арабы, турки, иранцы, народы Кавказа, уйгуры, народы Средней Азии. Тип остряка, воплотившийся вначале в Джухе и Талхаке, затем трансформировался в ходжу Насреддина, а потом персонифицировался в таких общеизвестных притворщиках, хитрецах и острословах, как мулла Мушфики у узбеков, Алдар Косе у казахов.

Через материки — от Испании до Китая шагал этот народный герой, дурача и обманывая наивных и легковверных, мечая стрелы сатиры в неправедных властителей, побеждая в спорах с религиозными догматиками и начетчиками.

Образ Насреддина противоречив. Он в анекдотах предстает то как мудрец, а то как простак и дурень. Но в фольклоре всех народов такое смешение до поры до времени было возможно, тем более, что "дурак" в народном творчестве часто незаметно переходит в притворщика, оставляющего в дураках других. Вспомним, хотя бы, Ивана-дурачка, неперменного героя многих русских сказок. Насреддин сродни и Тиллю Уленшпигелю, и Кола Брюньону.

Переводчик анекдотов, выдающийся тюрколог академик В. А. Гордлевский, старался точно передать турецкий текст. "Осовремениванию" текст анекдотов издателями не подвергался.

Издатели этого сборника надеются, что Вы получили рядку смехом, а смех, как известно, продлевает жизнь...

ВЕЛИКИЙ ПЛУТ СМЕЕТСЯ

Анекдоты о ходже Насреддине

Подписано в печать 10.06.92. Формат 84х108 1/32. Бум. газетная.
Гарнитура "Тип Таймс". Печ. л. 2.0. Усл.-п.л. 3.36. Уч.-изд. л. 2.7.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 6 2 2 Цена договорная.

ИБ №5036

МЧП ЭЛМА, 480124, Алма-Ата, а/я 47.

МГП "Берен", 480124, Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат, 480002, Алма-Ата, ул.Макаатаева, 41.

